

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 6, No. 4, pp. 209-235, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322
www.ejournal6.com

UDC 94

Letters from Officer/Orientalist K.N. Smirnov from the Caucasian Front as a Source for the Study of the Military/Political Situation in Turkey and Iran in 1914–1917

Nugzar K. Ter-Oganov

Tel Aviv University Center for Iranian Studies, Israel
Dr. (History)
E-mail: nteroganov@yahoo.com

Abstract

This study attempts to analyze the letters of officer/orientalist and military oriental scholar, officer in the Intelligence Section of the Staff of the Caucasian Military District, Staff Captain Konstantin Nikolayevich Smirnov, sent by him from the Turkish and Iranian sectors of the Caucasian front to his wife Kseniya Karlovna Smirnova (Kester) over the period 1914–1917.

Depending on changes in the deployment of Russian troops fighting against the Turkish army, as well as the German-Turkish block, both in the north-eastern part of Turkey and in the north-west of Iran, K.N. Smirnov had sent those letters from Kamarli, Diadin, Iğdır, Beyazit, Trebizond, Kazvin, Kermanshah, Kerind, Qasr-e Shirin, Ava now to Tiflis and now to Sevastopol, Hamadan, and Kazvin, where his wife was staying at that particular point in time.

K.N. Smirnov's surviving letters, just like their fragments, give us an idea of the military/political situation along the line of contact with the enemy on the Caucasian front, as well as many aspects of the activity of officers from the Expeditionary Corps of General N.N. Baratov in Iran over the period 1915–1917. Of interest is his characterization of the personal qualities of many Russian officers, such as General N.N. Baratov, the immediate superior of Staff Captain Smirnov, who at the time headed the reconnaissance unit of the Expeditionary Corps, Colonel N.F. Ern, Chief of Staff, and other officers of the corps. The letters also bring to light the character of activity by K.N. Smirnov as a "political officer".

K.N. Smirnov's letters contain extremely rare information on the episode of short-term Anglo-Russian military cooperation on the Caucasian front intended to coordinate actions against Turkish troops in Mesopotamia.

Keywords: Caucasian front; World War I; letters; officer/orientalist; K.N. Smirnov.

Введение

Первая мировая война, или так называемая "Великая война", оказалась самым глобальным, кровопролитным и разрушительным военным конфликтом в истории человечества. Хотя основные военные события происходили в Европе, тем не менее, в орбиту активного военно-политического противостояния оказались вовлечены и два ближневосточных государства: османская Турция и каджарский Иран. Как известно, первая из них встала на стороне Центральных держав и тем самым стала участником конфликта, а второй, несмотря на объявленный им нейтралитет, превратился в арену ожесточенных

схваток воюющих сторон. На фоне столкновения интересов Центральных держав и стран Антанты на Ближнем Востоке Кавказ оказался тем форпостом российской империи, который имел непосредственное территориальное соприкосновение с этим регионом.

Поэтому, с началом войны российскими военно-политическими кругами были определены цели и задачи Кавказского фронта, охватившего восточные вилайеты османской Турции и северо-западные провинции Ирана, а также широкую полосу северного участка ирано-турецкой границы. Несмотря на то, что решающие военные действия враждующих сторон проходили в Европе, тем не менее, Кавказский фронт имел важное стратегическое значение не только для России, но и для ее союзницы по Антанте – Англии.

Стратегическое расположение Кавказа как моста, связующего Европу с Азией, определяло не только военное, но и экономическое его значение. Поэтому, на Кавказском фронте, также как и в Месопотамии и Египте, решалась судьба того, какие мировые державы будут контролировать в будущем "южные ворота" из Европы в Азию. За право обладать ими боролись между собой Центральные материковые империи, западная морская империя в лице Великобритании, и российская империя [1]. Таким образом, от успехов на Кавказском фронте во многом зависела судьба всей военной кампании на востоке.

Как известно, многие из активных участников военных сражений на Кавказском фронте оставили после себя различные воспоминания и личные корреспонденции, которые раскрывают перед нами не только мировоззрение и человеческие качества их авторов, но и их видение сложившейся ситуации на фронте. К числу подобных личных писем, обогащающих наши знания в области истории Кавказского фронта, безошибочно можно назвать и личные письма штабс-капитана Константина Николаевича Смирнова.

Письма К.Н.Смирнова дают нам уникальную возможность, через субъективные линзы их автора взглянуть на многие важные военно-политические события, которые имели место в турецком и иранском секторах Кавказского фронта в период 1914-1917 гг.

Вместе с тем его личные письма с линии фронта, не в пример официальным донесениям и рапортам, содержат порой совершенно неизвестные сведения о тех или иных сторонах исторических событий, не нашедших отражение в сухих официальных бумагах. Ценность писем К.Н.Смирнова заключается в том, что в отличие от многих подобных писем с фронта, дневников и воспоминаний, прошедших через "чистилище" военной цензуры, его письма полностью избежали ее.

Фото 1. Константин Николаевич Смирнов

Краткая биография. Константин Николаевич Смирнов, выпускник Тифлисского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, в 1903 г. окончил офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России в Санкт-Петербурге, и в чине штабс-капитана был зачислен в Штаб Кавказского военного округа. В 1904 г. вместе с небезызвестным полковником В.П.Ляховым, будущим командиром Персидской казачьей бригады, он был командирован для сбора разведданных в юго-восточную Турцию. В 1906 г. К.Н.Смирнов стал помощником начальника новообразованного, нештатного Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа, находившегося в непосредственном подчинении Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Но там он долго не задержался. В течение семи лет (1907–1914 гг.) находился в служебной командировке в Иране, при шахском дворе в качестве воспитателя сначала наследника престола, а затем юного Солтан Ахмад-шаха (1909–1925 гг.). В период Первой мировой войны, зимой 1914 г. К.Н.Смирнов был направлен в турецкий сектор Кавказского фронта, откуда осенью 1915 г. получил назначение в штаб Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова в Иране. Зимой 1916 г. вернулся в турецкий сектор Кавказского фронта, где оставался вплоть до начала 1918 года.

С самого начала службы в Штабе Кавказского военного округа, как за время своей длительной командировки в Иран, так и после нее К.Н.Смирновым были опубликованы многие востоковедческие работы в дореволюционной русской военной печати. Он продолжил свою плодотворную научно-исследовательскую деятельность и в годы советской власти [2], но ему не было суждено воспользоваться своими немалыми познаниями в области изучения истории Ирана и Турции – в 1938 г. он стал жертвой сталинских репрессий.

К.Н.Смирнов относится к той категории авторов, которые интересны нам не только как исследователи, но и как хроникеры тех событий, участниками или свидетелями которых им пришлось быть. В этом смысле рукописные материалы из архивного фонда К.Н.Смирнова, хранящиеся в Архиве Национального центра рукописей Грузии [3], дают реальное ощущение соприкосновения со многими историческими событиями и фактами, которые для нас порой совершенно неизвестны или же покрыты завесой тайны.

Из всего рукописного наследия К.Н.Смирнова немалый научный интерес представляют его личные письма. Они были адресованы его жене, Ксении Карловне Смирновой (Кестер) [4]. В зависимости от изменения дислокации русских воинских частей, действующих против турецкой армии, а также сторонников немецко-турецкого блока, как в северо-восточной части Турции, так в северо-западном Иране, он отправлял эти письма из Камарли, Диадина, Игдыра, Баязида, Казвина, Керманшаха, Керинда и Касре-Ширина. Посылались эти письма то в Тифлис, то в Севастополь, Хамадан и Казвин, где в конкретный момент находилась его супруга.

Все эти письма их автор не только хранил в своем личном архиве, но и намеревался как-то систематизировать их. Если судить по материалам его архива, скорее всего, в 1937 г., буквально за несколько месяцев до своего рокового ареста, Смирнов перечитал свои письма и снабдил их краткими примечаниями, касающиеся, в основном, отдельных персон. Последнее обстоятельство может указывать на то, что автор писем сделал это ради будущих их читателей.

Несмотря на частный характер этих писем, они содержат неизвестный для большинства исследователей фактический материал, имеющий непосредственное отношение, например, к деятельности Экспедиционного корпуса генерала Н.Н.Баратова в Иране и на ирано-турецкой границе, или к эпизоду англо-русского военного сотрудничества против турецко-германского блока на территории Ирана и Турции.

Анализ писем Смирнова дает нам возможность представить себе мировоззренческий портрет особого типа русского офицера – не сказать, что националиста, но и не космополита, а представителя той категории русского офицерства, которая смотрела как на свой народ, так и на некоторые нацменьшинства российской империи свысока, порой с нескрываемой долей неприязни. Его письма насквозь пронизаны чувством ксенофобии, что отчетливо проявляется в отношении персов, которых он называет просто "персюками" [5], а также армян.

Если свое неприязненное отношение к персам он мотивирует пленением ими его дедушки в период второй русско-иранской войны 1826–1828 гг., и чувством мщениия за него [6], то его письма не дают ответа на причину возникновения у него армянофобии. По нашему мнению, корни этого явления следует искать в системном кризисе самодержавия и его национальной политики конца XIX – начала XX вв. Именно тогда рост национального самосознания армянского народа столкнулся с официальной политикой насильственной ассимиляции, и вызвал к жизни ксенофобские настроения, граничащие с зоологической, расистской ненавистью в среде ультрашовинистической части русского чиновничества и офицерства [7].

В "турецких письмах" Смирнова не раз встречаем упоминание об армянских добровольцах, вставших на защиту своего народа. Как можно сделать заключение из его писем, впрочем, как и из его "Записок воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы", а также из рапорта о поездке в Турцию в 1904 г. [8], Смирнов везде неодобрительно, с отрицательной коннотацией, отзывается об армянах и их вождях. Можно лишь предположить, что такая неприязнь к армянам могла быть вызвана из-за стремления армян Османской империи обрести свободу и независимость, что наглядно было продемонстрировано ростом их национального самосознания. Видимо спроецировав возможные последствия освободительного движения армян для Российской империи, Смирнов стал неодобрительно относиться к нему. В этой связи уместно отметить, например, его явно негативное отношение к армянам за их активное участие в Конституционной революции в Иране (1905–1911 гг.), а также за их стремление к обретению единого национального очага по обе стороны русско-турецкой границы, обострившееся в результате политики насильственной русификации на Кавказе [9]. Для иллюстрации достаточно привести хотя бы следующее предложение из письма, отправленного из Игдыра 27 сентября 1915 года: "Тут сейчас армянские дружины, *Дро и всякая такая публика* [Italic – наш]" или: "Теперь я занимаюсь вывозом сена, - пишет он в письме от 5 октября 1915 г., - находящегося близ Арарата, и принадлежащего враждебным курдам. Занимаются этим обывательские ишаки, а конвой – казаки, солдаты и *армянские добровольцы*. *Ведь у меня несколько десятков этого сброда из здешних армян, вооруженных ружьями*" [курсив – наш] – делает заключение Смирнов [10]. Он же с таким же презрением и легкостью называет американских армян, принимавших участие в освободительной борьбе на стороне союзников, "*бандой*", а своего коллегу, набравшего их – полковника русской службы Альфреда Иосифовича Термена – обзывает "*кретином*"! [11].

Обобщая сказанное об отношении Смирнова к армянам, не следует забывать и о скрытой юдофобской позиции Смирнова, которая вырывается у автора наружу в одном из его писем, когда он телеграфиста, допустившего ошибку при отправке телеграммы на его имя, называет "*жидком*": "Значит, - пишет Смирнов, - о моем существовании не забыли, но адресовано было капитану, так что я думаю, что *жидок* [курсив – наш] напутал" [12].

Но, как свидетельствуют письма, Смирнову было вообще чуждо чувство сострадания к попавшим в беду людям, даже единоверцам. В письме, посланном с Черноморского побережья в 1917 г., Смирнов описывает разыгравшуюся трагедию на море, когда лодка с греческими беженцами, женщинами и детьми опрокинулась, и ее пассажиры стали тонуть. "Мимо меня несло старую женщину, которая под водой как бы проходила, поднявши руки слегка, или махая, и скоро стала пускать пузыри. *Откровенно говоря*, - пишет Смирнов, - *у меня не было какого-либо особенного чувства к этой женщине...* Потонуло, говорят, что около 4-5, а я думаю, что около десятка. И знаешь, повторяю тебе, *на меня это особенно впечатления не произвело, я даже гораздо более неприятное чувство испытываю, когда мы обстреливаем турецкие берега*" [курсив – наш] [13]. И это писал человек, который по долгу службы должен был заниматься спасением греческих беженцев и их отправкой в Батум! Хотя, что можно сказать о человеке, который вообще ставил под сомнение благородство освобождения болгар от турецкого ига: "Но наш народ, - пишет Смирнов, - когда-то воевавший *за освобождение болгар и за другие глупости* [?! – Н.К.Тер-Оганов], теперь окончательно очерствел" [14].

Через месяц после возвращения из Ирана, с ноября 1914 г. по февраль 1915 г., К.Н.Смирнов был прикомандирован к состоявшему на русской военной службе родоначальнику курдского племени Зилянлы Аль-Ашреф-беку Шамшадинову [15].

Как известно, последний поставлял в ШКВО сведения о курдах, при этом подчеркивая связь курдов с дервишским орденом накшибендиев [16].

Целью данной командировки, по объяснению К.Н.Смирнова, являлось умиротворение протурецки, враждебно настроенных по отношению к России курдов на театре военных действий в районе Ереванской губернии, Макинского ханства и Баязидского санджака.

Судя по датам его писем, их автор продолжал находиться в упомянутом районе, в частности, в Игдыре и Баязиде, и после завершения там своей командировки. А в сентябре-октябре 1915 г. на него было возложено управление округа Баязид, входившего в район действий IV Кавказского корпуса. В Баязиде, по признанию самого Смирнова, много было "писанья". "Работа, по характеру, - как поясняет автор в письме из Баязида, - скорей консульская. Разбирал тяжбу через переводчика, говоря по-французски, по-персидски, поговорил с купцом, приехавшим из Персии, прочел персидское письмо Оваджикского хана, принял баранов, пригнанных курдами мирными (разбойники не могли утнать и оставили скот в болоте) и подарил для поощрения 5 рублей..." [17].

Письма, отправленные из оккупированных русскими войсками населенных пунктов Турции, хронологически можно разбить на два периода. Первый период относится ко времени, когда он служил в турецком секторе Кавказского фронта (1914–1915 гг.), а второй период имеет непосредственное отношение к его службе в Трапезунде в качестве заведующего разведкой от штаба Кавказской армии и Черноморского флота с конца декабря 1916 года по начало января 1918 года.

Письмо, отправленное им 19 декабря 1914 г. после начала войны с Турцией, дает яркое представление о том, какая нервная обстановка царил в то время в Тифлисе (Тбилиси) – военно-административном центре Кавказа после начала Сарыкамышской операции, вторжения турок в Аджарию, и последовавшего за тем восстания аджарцев-мусульман в середине ноября 1914 года. "Сейчас получил твою телеграмму о том, - сообщает Смирнов, - что в Тифлисе нельзя оставаться и страшно встревожился. Воображаю, какая сейчас паника, как все переполнено и так трудно уезжать" [18]. В возникшем смятении Смирнов винит "начальство, допустившее такую катастрофу", а именно командующего Кавказской армией генерала Г.Э.Берхмана, командира Сарыкамышского отряда, а также генерала Н.Н.Баратова и других. Турецкий прорыв в Аджарии Смирнов воспринимает как поражение Кавказской армии и считает, что необходима срочная замена ее руководящего состава. Кстати, уже в этом письме сквозит скрытое недовольство генералом Н.Н.Баратовым – известным любителем застолия и тостов, которое не раз повторяется и в других его письмах: "Ведь нельзя все пить аллаверды [19] и надеяться на дух Кавказской армии" – пишет Смирнов.

Автор писем дает краткие, но важные сведения о положении в пунктах расположения русских войск. Так, в письме от 15 января 1915 г. Смирнов описывает жуткое санитарное положение в Диадине, сложившееся из-за большого скопления массы людей и животных, что, по его утверждению, мог привести к вспышке эпидемии сыпного тифа. Хотя к тому времени, по сообщению Смирнова, "население все разбежалось", вместе с тем он выражает надежду, что в деле недопущения эпидемии могли бы оказать помощь два представителя "союза городов", видимо, рассчитывая на их благотворительность. "С нами едут два представителя союза городов Тамамшев, а другой – грузин, оба присяжные поверенные, я обращаю их внимание на эту сторону дела" – рассуждает Смирнов [20].

Наибольший интерес представляют письма, отправленные за период с ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. из иранского сектора Кавказского фронта, где он заведовал разведкой и дипломатической частью штаба Экспедиционного кавалерийского корпуса генерала Н.Н.Баратова. Официально его статус звучал так: "Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Кавказской Армией, числящийся по гвардейской легкой артиллерии капитан Смирнов" [21].

Содержание "иранских" писем К.Н.Смирнова свидетельствует о том, что его супруга в годы войны большей частью находилась в Иране, и была в курсе происходивших там драматических событий. Примечательно, что К.Н.Смирнов часто информировал ее о положении на ирано-турецком фронте, давал характеристику отдельным русским офицерам и их военным, а также личностным качествам. По его письмам можно судить также о перипетиях англо-русского военного сотрудничества в Иране в период Первой мировой войны.

Согласно Смирнову, Штаб Экспедиционного корпуса с ноября 1915 г. по март 1916 г. находился в Казвине [22], но в связи с проведением наступательной операции на Ханекин и для лучшего управления действиями Корпуса через Керинд и Касре-Ширин [23], в мае 1916 г. он был перенесен поближе к линии фронта – в Керманшах. Через два месяца после отступления русских войск из Хамадана, с августа 1916 г. штаб Корпуса, переименованного в 1-й Кавказский кавалерийский корпус, продолжительное время находился в Аве [24].

В сентябре 1916 г., завершив свою службу в Корпусе, Смирнов выехал из Аве и больше туда не возвращался, после чего с конца 1916 г. по начало 1918 г. находился в командировке в Трапезунде в качестве заведующего разведкой от Штаба Кавказской армии и Черноморского флота. Согласно автору писем, его "работа состояла в организации набегов на турецкое побережье от Элеу до Синопа и в сборе сведений по этому побережью" [25].

Находясь на Черноморском побережье Турции в мае 1917 г., по приказу генерала Н.Н.Юденича, командующего Кавказской армией, Смирнова вызвали в Тифлис и послали в комиссию по разбору недоразумений, возникших между начальником Ардебильского отряда генералом Фидаровым и российским консулом в Ардебиле Дамонтловым. Этот вопрос, между прочим, был обсужден на Краевом съезде Кавказской армии [26], на котором Юденич, со слов Смирнова, и обещал отправку туда "полковника, знающего хорошо Персию". Между тем, хотя и отправили для улаживания этого конфликта офицера-восточника из Разведывательного отделения Штаба Кавказской армии Калантаевского, тем не менее, по решению Юденича, туда следовало направить Смирнова. С этой целью в середине мая Смирнов оказался в Баку, откуда он 18 мая 1917 г. на борту пассажирского парохода отправился вслед за канонеркой, направлявшейся вместе с комиссией к иранскому побережью Каспийского моря.

Как следует из его письма, отправленного из Баку 18 мая 1917 г., поездка Смирнова в Ардебиль могла коренным образом изменить его служебную карьеру. Так, как стало известно Смирнову из беседы с бывшим пограничным комиссаром с ардебильским районом Персии Цысом, на Краевом съезде говорили о замене некоторых консулов военными, и среди кандидатов на замещение должностей была названа и фамилия Смирнова. "Цыс спрашивал меня, - пишет Смирнов, - устраивает ли меня быть консулом в Ардебиле, я сказал, что консулом в Персию ехать – согласен, и Цыс хотел в тот же день сказать Баратову, который тоже играет какую-то роль на съезде, чтобы опять возбудили этот вопрос" [27]. Однако, вопреки его ожиданиям, как нам известно, после выполнения данного поручения, ему пришлось вернуться опять в Трапезунд. А тем временем его бывший командир генерал Баратов во время Февральской революции получил командование 5-м Кавказским корпусом, штаб которого был дислоцирован в Хамкеное, в районе Трапезунда. Так что, не исключено, что Смирнов, находясь в Трапезунде уже в ранге полковника, продолжал иметь тесные отношения с генералом Баратовым.

Следует напомнить, что в период командировки в Иран К.К.Смирнова находилась рядом со своим супругом. Есть косвенные свидетельства того, что она как-то была связана со Штабом Кавказского военного округа. Ее связи с ШКВО прослеживаются и в годы Первой мировой войны, когда ее супруг после возвращения из Ирана в сентябре 1914 г., получив очередное задание, оказался на Кавказском фронте, побывав сначала в его турецком, затем иранском и снова в турецком, секторах.

Если судить по письму, отправленному Смирновым 22 ноября 1915 г. из Казвина [28], к тому времени его автор уже находился в штабе Экспедиционного корпуса генерала Баратова, с которым часто приходилось общаться ему по служебным делам. Содержание письма говорит о том, что сразу после прикомандирования к штабу Баратова, капитан Смирнов оказался сильно загружен делами. "Образ жизни, - жаловался Смирнов, - ведется у нас самый безобразный, вроде как при Поклевском [29], которого своей обходительностью напоминает и Баратов. Спать никогда не ложимся ранее полуночи, обедаем и пьем чай в самое разнообразное время..." [30].

Следует заметить, что возвращение Смирнова в Иран не осталось незамеченным для бывшего его воспитанника - правителя Ирана Солтан Ахмад-шаха Каджара, который заинтересовался его нахождением в Экспедиционном корпусе у российского посланника Н.С. фон Эттера, выразив желание повидаться с ним. Из письма следует, что это известие сообщил ему бывший российский консул в Керманшахе барон Черкасов, эвакуировавшийся

в Казвин. Как следует из письма, в этом событии его сослуживцы усмотрели что-то важное. И, видимо, поэтому, как следует из письма, Смирнов решил съездить в Тегеран вместе с начальником штаба Н.Ф.Эрном или самым генералом Баратовым. Но удалось ли Смирнову встретиться с шахом, эти письма не дают ответа. Тем не менее, сохранилась фотография малого формата, датированная 1916 годом, на котором изображены генерал Баратов и капитан Смирнов в Тегеране. Можно предположить, что эта фотография была сделана именно во время их совместной поездки в иранскую столицу в декабре 1915 года. Наше предположение подкрепляет рапорт тогдашнего командира Персидской казачьей бригады полковника Прозоркевича от 5 января 1916 г., согласно которому 26 декабря 1915 г. командир экспедиционного корпуса в Персии генерал-лейтенант Баратов произвел в Тегеране строевой смотр Персидской казачьей бригады [31].

Фото 2. Генерал Н.Н.Баратов в черной черкеске и капитан К.Н.Смирнов в Тегеране, 1916 г.

Письма Смирнова позволяют нам составить портреты некоторых русских военных, дипломатических и политических деятелей. В первую очередь, это касается командующего Экспедиционным кавалерийским корпусом в Иране генерала Баратова. Согласно Смирнову, в момент его приезда в Корпус, отношения с Баратовым и его начальником штаба Эрном, сложились хорошие. "Оба они, - писал Смирнов, - хорошо относятся ко мне, милые люди, в особенности с Эрном мы хороши" [32]. Тем не менее, он находит, что Баратов человек с мягким характером. "Терпеть не могу людей с таким тряпочным характером, как Баратов, прямо противно смотреть" – писал Смирнов в своем письме из Керманшаха в мае 1916 г. [33]. Но судя по его письму от 1 января 1916 года, генерал Баратов больше похож на благородного, чем на беспринципного военного. Так, согласно автору письма, по его предложению в первый же день Нового года он с генералом Баратовым отправился на посещение военнопленных. Этот визит был организован в ответ на слухи о плохом положении военнопленных. Во время посещения пленных "командир корпуса обратил внимание на многие не порядки и обещал удовлетворить многие претензии пленных и дал им на 5 рублей папиросы". Одного пленного освободили. Смирнов считает большим счастьем для персов, что им "попались" Баратов и он, о чем, по его утверждению, не раз говорили и сами персы. "Баратов очень человечно относится к персам" – делает заключение автор письма [34].

Письма дают нам возможность утверждать, что оценка со стороны Смирнова деятельности генерала Баратова менялась в зависимости от отношения последнего к нему.

"Впрочем, - признается Смирнов, - когда я нужен, то всегда он лучше ко мне относился, а сейчас нет ни дипломатического чиновника, ни другого офицера, знающего Персию" [35]. Вместе с тем Смирнов критически относится к военным заслугам генерала Баратова, подтверждением чему может служить оценка им победы Баратова при Рабат-Кериме. Победу Баратова в сражении при Рабат-Кериме Смирнов приписывает больше случайности и удаче, чем военным способностям генерала.

Согласно письму, проведая о том, что Амир Хешмет [36] хочет зайти в тыл русским войскам и, оценив значение подобного шага в случае неудачи для него самого, иранский премьер-министр Фарман Фарма сообщил об этом через командира Персидской казачьей бригады полковника Прозоркевича генералу Баратову. Для предотвращения этого опасного маневра был послан Тегеранский отряд в набег на Амир Хешмета, которого совершенно разбили и обратили в бегство. Как потом выяснилось, Амир Хешмет вовсе не угрожал тылу русских, поскольку он сам готовил набег на Тегеран, с целью захвата всей наличности банков, ареста посланников, учинения большого грабежа и вывоза шаха в Исфаган. Но, по объяснению Смирнова, он почему-то задержался в Рабат-Кериме, быть может встревоженный движением другого русского отряда к Куму, и совершенно неожиданно подвергся удару конного отряда, производившего набег. "Таким образом, - пишет Смирнов, - Б[аратов] спас Тегеран от большой катастрофы, которая могла бы иметь громадное значение". Несмотря на то, что успех Баратова Смирнов считает везением, тем не менее, он рад за подобных удачливых людей: "Но дай Бог побольше людей, которым везет в начальствующие лица". Но чтобы не выглядеть слишком циником, Смирнов добавляет: "В сущности, всегда военные удачи и неудачи происходят из-за неожиданных пустяков" [37]. Вместе с тем Смирнов считает возможным поделиться со своей женой секретом, касающимся состояния здоровья Баратова, страдающего от лихорадки.

Рассказывая о Баратове, в своих письмах Смирнов нередко с отрицательной коннотацией упоминает о его фаворите - офицере Генерального штаба В.Д.Каргалетели [38], обладавшем большим влиянием на командира корпуса. Так, например, в письме от мая 1916 г. Смирнов прямо пишет о том, что "Каргалетели прямо его [Баратова – Н.К.Тер-Оганов] чукает, называет мягкотелым, а Баратов, собравшись в дорогу и упрашивавший долго спящего по утрам Каргалетели, боязливо спрашивает: "что, Василек, можно ехать, ты готов?". Прямо хочется плюнуть" [39]. Согласно Смирнову, Каргалетели наговаривал много дурного на начальника штаба корпуса Эрна, обвинял его перед Баратовым в том, что тот никуда не годится и т.д. Следует заметить, что с самого начала своей службы в корпусе, Смирнову не удалось наладить с ним нормальные отношения. Уже в одном из своих первых писем он дает ему такую характеристику: "человек не дурной, умный (кончил университет), но большой хам, хотя и служил в гвардейском Литовском полку. Он меня снобрует и, видимо, зазря, а я не обращаю никакого внимания". Как следует из письма от 10 августа 1916г., после отъезда Каргалетели Баратов стал лучше относиться к Смирнову [40]. Хотя уже в письме от 28 августа 1916 г. он продолжает жаловаться на Баратова: "К сожалению, я вижу, что я ему не особенно нравлюсь. Ну как мы вообще с тобой не нравились в Тегеране сердечным людям". "Недоволен я, - читаем в письме, - во-первых, за то, что наделав промахов, он свалил на меня (правда - в мелочах), а во-вторых, за недостаточно внимательное ко мне отношение" [41]. Кстати, Смирнов вздохнул с облегчением, когда получили телеграмму о переводе Каргалетели на северный фронт. "Без него гораздо симпатичнее" – делает заключение Смирнов. Как следует из письма, теперь "за столом идет свободный разговор, генерал как-то лучше ко всем относится без боязни того, как это понравится этому типу" [42].

В письмах Смирнова среди русских, служивших тогда в Иране, мы находим сведения о вице-консуле и негласном военном агенте в Мосуле В.Ф.Кирсанове [43], о котором пишет: "Мне очень нравится Кирсанов, он совсем шикарный дипломат и слегка напоминает мне Саблина [имеется в виду российский поверенный в делах в Тегеране, сменивший на посту руководителя дипломатической миссии Н.Г.Гартвига – Н.К.Тер-Оганов]. Он не предполагает возвращаться на военную службу и хочет совсем переходить в Министерство иностранных дел [44]. Кирсанов – человек хороший, но лодырь и большой сплетник" [45]. В письмах есть упоминание также о местных агентах Кирсанова – драгомане Мадике и агенте российской разведки, расстриженном халдейском священнике некоем Макдо [46].

Следует заметить, что находясь в Иране, Смирнов занимался, как он об этом пишет в одном из своих первых писем из этой страны, "делами светскими, политическими, разведывательными и полицейскими" [47]. В письме от 11 августа Смирнов конкретизирует свои служебные обязанности и называет себя "политическим офицером" по аналогии с английским институтом "Political Officer" [48]. "Сегодня, - пишет Смирнов жене, - выпал тяжелый день твоему политическому офицеру. Набралась масса дела – писать Амиру Афхаму [49], Амиру Афшару [50], воззвание с успокоением жителей Казвина, телеграммы посланнику, Болховитинову [51] и Прозоркевичу [52] относительно политического положения и проч." [53] Таким образом, в его обязанность входило нанесение дипломатических и светских визитов высокопоставленным иранцам. В том же письме он пишет: "Я побывал у восьми персов с целью сделать им эхвальпурею [нетрудно догадаться, что под этим словом кроется известное персидское выражение – "ахвалпорси" (справляться о здоровье и о делах) – Н.К.Тер-Оганов] от имени Баратова". Как выясняется, Смирнов за один день успел побывать "у четырех моджахедов, двух принцев и у двух богачей" [54]. Причем всем им Смирнов передавал карточку Баратова в связи с торжеством по случаю награждения последнего орденом Георгия. Как признается Смирнов, "в числе этих персов есть и заведомые наши враги". Видимо, для сведения последних и была передана Смирновым в печать "объявление Баратова о смертной казни за различные дела".

Из одного письма мы узнаем, что в завершении своих визитов Смирнов побывал еще и у англичан, и после всего этого ему пришлось выяснять положение с каким-то арестантом, присланным ему офицером Персидской казачьей бригады из Зенджана, затем отдал распоряжение переводчику по политической части, а также приостановил объявление смертного приговора. В завершение, он отпечатал на пишущей машинке все собранные за день сведения. Смирнов жалуется жене на свою занятость: "Целый день верчусь, как белка в колесе"! Самое интересное заключение Смирнов делает в конце этого письма, когда пишет о схожести его служебных обязанностей при прежней командировке в Тегеран, и при Экспедиционном корпусе – ничего нового. Вместе с тем, согласно ему, последняя командировка по своему значению намного превосходила прежнюю командировку: "Тут чувствуешь свое значение, правда, создавшееся прежней службой в Тегеране" – признается Смирнов [55].

Что касается отношения Смирнова к персам, то судя по его письмам, как уже выше упомянули, он относится к ним надменно, нередко называя их "персюками" [56]. Такое отношение к персам он оправдывает тем, что в свое время его дед был пленен персами. Кроме того, он вспоминает о тех "пакостях", "которые иногда персюки делали и ему самому" [57]. Тем не менее, в одном из своих поздних писем он выражает свое удовлетворение отношением к нему персов: "Большим удовлетворением мне служит, как относятся ко мне персы. Народу ко мне прет масса, полнейшее уважение, лести слышу массу вроде того, что благодарят судьбу, что тут я, который знаю народ и с которым можно непосредственно объясниться и т.п." [58] Вместе с тем он выражает искреннее удивление из-за того, с какой чуткостью персы относятся к нему, и не знает, как это объяснить. "Но не знаю, чем объяснить чуткость персов – представь себе, еще никто не предлагал взятки, как это всегда делается в Тегеране. Знают ли, что я не возьму или вообще русские здесь не брали, не понимаю" – вопрошает Смирнов [59].

В письмах мы находим отдельные сведения о динамике англо-русских отношений в Иране. Как свидетельствует письмо за 22 ноября 1915 г., находясь в Казвине, Смирнову по службе часто приходилось общаться с англичанами. "Как все на свете переменчиво. Никогда не был знаком, - пишет Смирнов, - ни с одним англичанином и ограничивался самыми официальными отношениями, а теперь англичанки каждую минуту: Кептан Смирнов, да Кептан Смирнов. Английские дети на улице, издали увидев меня, кивают головой, а мистеры с приятной улыбкой жмут руки" [60]. На вечере, устроенном по случаю празднования награждения генерала Баратова орденом Георгия, по признанию Смирнова, он больше общался с англичанками. Одна из англичанок даже вспомнила про его супругу Ксению Смирнову: "какая она была интересная в английской миссии в Тегеране – *Le Dame en Noir*" [61].

Письма Смирнова дают нам основание полагать, что на тот период отношения между русскими и англичанами в Иране находились на подъеме. Отношения были настолько близкие, что, например, англичане даже приглашали Смирнова к себе домой. "Чай пил я сегодня 10 раз и последний раз у англичан с кеком по случаю рождения маленькой Карлин, - писал Смирнов в своем письме за 25 ноября 1915 г., - причем высказал надежду, что буду когда-нибудь есть и ее wedding-cake" [62]. Смирнов делал визиты и английским дипломатическим представителям. Так, в декабре 1915 г. он навестил в Казвине английского консула в Хамадане, с которым он должен был урегулировать возникшее между консулом и генералом Баратовым недоразумение, связанное с преждевременным поднятием одного русского флага в Хамадане, вместо поднятия двух флагов – российского и английского. По указанию Баратова, Смирнов должен был заверить английского консула в том, что "когда будут подымать английский флаг, то Баратов опять поедет в Хамадан" [63], отдав тем самым дань уважения Юнион-Джеку.

Однако, судя по более поздним письмам Смирнова, отправленным в конце апреля 1916 г., эти отношения значительно потускнели из-за известных событий в Кут эль-Амаре. Так, в письме Смирнова от 25 апреля 1916 г. нашло отражение печальное известие о капитуляции генерала Таунсенда под Кут эль-Амарой, полученное в штабе Экспедиционного корпуса в Керманшахе 24 апреля 1916 года. Смирнов, не без основания, стал предполагать тогда о возможном выдвигании обвинения со стороны англичан в адрес генерала Баратова за запоздалое наступление против турецких войск [64], что дало возможность последним держать в окружении английский гарнизон, принудив его сложить оружие.

Капитуляция генерала Таунсенда, по правильному заключению Смирнова, могла изменить ситуацию в пользу турок, и в результате как Керманшах, так и Хамадан могли оказаться под их натиском. Впрочем, позже вышло именно так, когда русские войска были вынуждены покинуть Хамадан и Керманшах. Кстати, в письме Смирнов предупреждает свою супругу об угрожающем Керманшаху, Сенне и Хамадану наступлении турецких войск, тем не менее, он не советует ей покидать Хамадан [65].

Между прочим, догадки Смирнова о возможном обвинении англичанами Баратова, находят свое подтверждение в письме, посланном им в мае 1916 г. из Керманшаха. Дело в том, что история с Таунсендом прямым образом повлияла на отношения англичан к русским, наглядным примером чему может служить история взаимоотношений Смирнова и английского военного агента в Керманшахе Вильямса [66].

Как следует из письма, Вильямс обычно занимался шифрованием телеграмм, поступающих к нему также из штаба Экспедиционного корпуса Баратова. После злопамятной капитуляции Таунсенда отношение Вильямса к русской стороне изменилось в худшую сторону. Он как-то однажды даже отказал Смирнову в шифровании телеграммы Баратова. Более того, как следует из письма, за два дня до составления письма, Вильямс подал иск на русские войска за порчу помещений в Хамадане. Согласно Смирнову, решение данного вопроса, впрочем, как и вопроса о вывозе имущества ковровой фабрики в Решт, было поручено ему английским посланником Ч.Марлингом. Тогда Смирнов заметил Вильямсу, что Марлинг был не прав, поскольку едва ли это могло относиться к обязанностям военного агента. Теперь Вильямс вспомнил о словах Смирнова и заявил, что "это глупости", на что Смирнов возмутился и призвал Вильямса следить за выражениями. Инцидент с Вильямсом заставил Смирнова высказать свое заключение по поводу причины подобного поведения Вильямса: "После этой истории мне стало грустно за человечество. Если такая культурная нация из англичан некорректны, то, что же требовать от нас. Убедившись, что мы не пойдем сейчас брать Багдад, и что Таунсенда мы не выручили своей головой, здешние англичане уже перестали быть любезными, выставили нас из дома, хотят выставлять конвой Баратова из конюшен английского консульства. Вильямс отказался шифровать телеграммы" [67].

В своем письме от 1 мая 1916 г. Смирнов сообщает из Касре-Ширина об обстановке на линии соприкосновения русских и турецких войск. По сообщению автора письма, кавалерийская дивизия, штаб которой был расположен в Касре-Ширине, вполне могла занять Ханекин, но не сделала этого из-за опасения контрнаступления турок. Нерадивость была проявлена и при наступлении на отступающих турецких войск по линии Сер-Миль-

Керинд, когда из-за опоздания колонны полковника Успенского не удалось полностью заблокировать ущелье и заставить турок сдаться всем составом [68].

Как следует из письма, несмотря на то, что Баратов воздержался от оказания помощи осажденному английскому гарнизону, русские все-таки допускали возможность захвата Багдада своими силами. Видимо, неслучайны эти строки, адресованные жене: "Нет Ксенюша, я в Багдад ни за что не поеду, если бы меня назначили и вообще, я скорей горожанин и походной жизни не люблю" [69].

В своем письме от 5 августа 1916 г. Смирнов описывает, насколько даже в условиях стабилизации положения на турецко-иранском фронте, положение в Тегеране стало тревожным. Сложившуюся обстановку на фронте он характеризует лаконично: "Турки стоят на месте, а Эттер (русский посланник в Тегеране) уже хочет удирать из Тегерана. Посмотрим, что будет через месяц!" [70]. Однако, как видно из следующего письма от 10 августа, российскому посланнику все же пришлось остаться после получения телеграммы от Великого князя, хотя российский генеральный консул Штриттер к тому времени уже покинул Тегеран [71].

В действительности, согласно сохранившимся архивным материалам, многие в Иране серьезно воспринимали возможное наступление турок на Тегеран. Так в своей телеграмме от 2 августа 1916 г. командир Персидской казачьей бригады полковник Прозоркевич доносил следующее: "Наступление турок к Тегерану создает возможность в ближайшем будущем спешной эвакуации Тегерана русскими учреждениями, всеми подданными" [72]. Более того, согласно шифрованной телеграмме Прозоркевича, отправленной в Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба от 9 августа того же года, он сообщал уже о начале частичной эвакуации Тегерана и о вывозе оружия Персидской казачьей бригады в Решт, а также о передаче скорострельных орудий бригады в распоряжение Экспедиционного корпуса генерала Баратова, и даже о намерении перевода штаба бригады в этот город [73].

Судя по содержанию письма, действительно существовало опасение по поводу ухудшения военно-политической обстановки и в самом Тегеране. По этой причине в Тегеране все обращаются к генералу Баратову с просьбой спасти положение. Следует полагать, что неадекватное поведение посланника и генерального консула, о чем сообщает Смирнов, вызвало нарекания в русских военно-политических кругах. По этой причине, по предложению Баратова, стали подготавливать предложение о назначении в Тегеран военного посланника в лице генерала Вадбольского, бывшего командира Персидской казачьей бригады [74].

Кроме вышеназванных русских военных и дипломатических чинов в письмах есть упоминание о князе Белосельском-Белозерском – начальнике Кавказской кавалерийской дивизии, бароне Медеме – командире Кавказского пограничного полка, чей штаб был расквартирован недалеко от Хамадана [75]. Можно найти отдельные характерные штрихи к портрету командующего Кавказской армией генерала Юденича. В письмах упомянуты также командир 2-го Кавказского пограничного полка Прозоркевич, граф Нирод – начальник казачьей дивизии в Казвине, Чернозубов – командир 2-го Кавказского кавалерийского корпуса, действовавшего в Азербайджане, генерал-майор Мелик-Шахназаров – начальник тыла, офицеры-восточники Малиновский и Нагайбаков, а также другие офицеры Кавказской армии. Вместе с тем последние письма, отправленные из Ирана, свидетельствуют о происходивших в Кавказской армии изменениях, когда солдатские комитеты стали заправлять армейскими делами и решать вопрос о войне и мире. Так, в своем письме из Касре-Ширина от 1 мая 1916 г. Смирнов сообщает о комиссии в составе офицеров Кавказской кавалерийской дивизии, Шереметьева, Омера, князя Сумбатова и князя Макаева и др., которая "решила, что довольно воевать и поехала в Россию".

Выводы

В заключение следует заметить, что несмотря порой на фрагментарный характер сведений, содержащихся в этих письмах, тем не менее они, без сомнения, заслуживают внимание исследователей, занимающихся вопросами русско-иранских, а также русско-турецких отношений в годы Первой мировой войны.

Ценность писем К.Н.Смирнова состоит в том, что в отличие от разного рода "воспоминаний" и "дневников", которые часто, особенно же в годы войны, проходили через "чистилище" военной цензуры, они полностью избежали ее. На самом деле, в этих письмах с фотографической точностью через субъективные линзы автора нашли отображение многие важные военно-политические события, имевшие место на Кавказском фронте.

Примечания:

1. См.: М. Philips Price (Special Correspondent of the "Manchester Guardian"). War&Revolution in Asiatic Russia. London: George Allen&Unwin LTD, 1918, p. 50-51.

2. О его работах смотри: Н.К.Тер-Оганов. Жизнь и деятельность Константина Николаевича Смирнова – в книге: К.Н.Смирнов. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 г. (с приложениями), [Под научной редакцией Н.К.Тер-Оганова]. Тель-Авив: Иврус, 2002, с.12-14.

3. Архив Национального центра рукописей Грузии, фонд 39 (далее: АНЦРГ).

4. К великому нашему сожалению, несмотря на то, что автор регулярно писал письма с фронта своей супруге, в Архиве Национального центра рукописей Грузии сохранилась лишь малая часть этих писем. Многие из этих писем дошли до нас не в полном виде (его личный архив и богатая библиотека в годы советской власти, в прямом смысле этого слова, были просто опустошены). Тем не менее уцелевшие письма или их фрагменты дают нам представление о военно-политической обстановке в Иране и Турции, а также о характере деятельности К.Н.Смирнова в этих странах.

5. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.27об.; д.63, л.30-31об. Кстати, в своем романе "Врата Багдада" его автор Хаджи-Мурат Мутуев, бывший сотрудник Разведывательного отделения Штаба Кавказского военного округа, также пользуется этим унижительным словом – "персюки": "А эти, хучь и персюки, а добрые – ровно родные". См.: Хаджи-Мурат Мутуев. Врата Багдада. Роман. М.-Л.: "Земля и Фабрика", [1928], с.134.

6. АНЦРГ, ф.39, д.27, л.85.

7. К этой части, без всякого сомнения, можно отнести "классика" арменофобии В.Л.Величко, бывшего редактора газеты "Кавказ", автора известного пасквиля "Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы", СПб., 1904; книга может служить "настойным руководством" также по юдофобии; кстати, она была переиздана в Баку в 1990 г. издательством "Элм" (Знание). Причем не следует забывать и о "вкладе" в арменофобию русского военного агента в Ване и Трапезунде В.Ф.Маевского, с которым К.Н.Смирнов имел близкое знакомство.

По признанию К.Н.Смирнова, В.Ф.Маевский, проработавший в Османской империи двадцать лет, под конец своей служебной карьеры, превратился в яркого туркофила и герmanoфила, сторонника сохранения целостности Османской империи. Следовательно, стремление армян к свободе или национально-освободительное движение балканских христианских народов против султанской власти он оценивал со своих ретроградских позиций (кстати, и сегодня современные адепты арменофобии, активно используя интернет-ресурсы, охотно цитируют обширные пассажи из публикаций В.Л.Величко и В.Ф.Маевского). Следует заметить, что насколько глубоко В.Ф.Маевский увлекся туркофильством и герmanoфильством, настолько же глубоко он ненавидел англичан. Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что в конце своей служебной карьеры в 1918 г. В.Ф.Маевский сделал следующие сумасбродные заявления, которые показывают истинное лицо выродившегося военного агента: "Пусть перережет друг друга в гражданской войне Россия, была бы цела только Германия, иначе возьмет верх Англия" или же совершенно непонятный геополитический расчет, а точнее политическая близорукость или просто просчет: "России нужна сильная Турция" - ?! См.: АНЦРГ, ф.39, д.27, л.58.

8. N.Ter-Oganov. Rapport du capitaine en second Constantin Smirnov sur son voyage en Turquie en 1904. *Iran and the Caucasus*. Vol.10.2., Leiden-Boston, pp.209-229.

9. О методах последовательной борьбы против пробудившегося национального движения армян со стороны царской администрации на Кавказе, нашедшей надежную опору в лице местных реакционеров-ретроградов, с очевидной достоверностью рассказал специальный корреспондент английской газеты "Манчестер Гардиан" М.Ф.Прайс в своей книге "Война и революция в Азиатской России". См.: М. Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.255-269.

10. В отличие от штабс-капитана Смирнова, казачий офицер Ф.И.Елисеев, принявший самое активное участие в боевых операциях на Кавказском фронте, а также в известном рейде казачьей сотни В.Д.Гамалея в Месопотамию в 1916 г., дает весьма положительную оценку как личностным, так и национальным качествам руководителей и членов армянских добровольческих дружин: "Их доблестные вожди, - пишет Ф.И.Елисеев, - были штатскими и национальными армянскими политическими деятелями в России... их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольных началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме с главной целью – освобождении Армении от турок". См.: Ф.И.Елисеев. Казаки на Кавказском фронте. 1914-1917.

Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. Составитель Стрелянов П.Н., М.: Воениздат, 2001, с.86.

11. АНЦРГ, ф.39, д.61, л.21.

12. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.48.

13. АНЦРГ, ф.39, д.76, л.60-61об.

14. АНЦРГ, ф.39, д.76, л.59об.

15. Чтобы сохранить расположение Шамшадинова и его племени, руководствуясь политическими соображениями, кавказские военные власти зачислили его, безграмотного полковника, в состав лиц, "состоящих при войсках Кавказского военного округа", а в годы Первой мировой войны присвоили ему генеральское звание. См.: АНЦРГ, ф.27, л.16об.

16. См.: ЦГИА Грузии, ф.1438, оп.1, д.386.

17. АНЦРГ, ф. 39, д. 60, л.16об.

18. АНЦРГ, ф.39, д.52, л.1.

19. "Баратов – первый тулумбаш на Кавказе. Он любит веселье. Не пьет; только делает вид, что пьет. Он очень находчив, остроумен и вокруг него за столом подлинное веселье" – так вспоминала газета "Часовой" о неординарном качестве боевого генерала. См.: Генерал Баратов - газета "Часовой", №103-104, май 1933. с.25.

20. АНЦРГ, ф.39, д.58, л.10-10об.

21. АНЦРГ, ф. 39, д. 67, л.40.

22. Хотя, если судить по дате телеграммы командира Персидской казачьей дивизии барона Майделя от 12 февраля 1917 г., генерал Баратов зимой 1916-17 г. года все еще находился в Казвине. См.: Российский государственный военно-исторический архив, фонд 13185, опись 3, д.48, л.17, 57 (далее: РГВИА).

23. Как известно, для захвата Ханекина по просьбе английского правительства была проведена Керинд-Касреширинская операция. Она должна была облегчить положение британского отряда генерала Чарлза Таунсенда, оказавшегося в плотном окружении турок в Кут-эль-Амаре. Экспедиционный корпус генерала Н.Н.Баратова, действовавший в Иране, 5 (18) апреля 1916 года ударил во фланг 6-й турецкой армии, противостоявшей британской экспедиционной армии. 8 (21) апреля части корпуса генерала Баратова заняли Керинд и Касре-Ширин, а затем, развивая наступление на багдадском направлении, освободили от турок Ханекин, вступив в пределы Месопотамии. См.: Википедия, <http://ru.wikipedia.org>. Но как становится ясно из письма Смирнова, корпус Баратова не стал продолжать свое наступательное действие поскольку, не увидев со стороны англичан встречного движения, командиру Корпуса было приказано приостановить наступление и закрепиться к западу от Касре-Ширина. А летом 1916 г. Экспедиционный корпус был окончательно выведен из Месопотамии.

24. АНЦРГ, ф.39, д.77, л.л.4-6.

25. АНЦРГ, ф.39, д.77, л.7.

26. Речь идет о Первом краевом съезде Кавказской армии, начавшем свою работу 23 апреля 1917 г. в Тбилиси. Как известно, Февральская революция, ознаменовавшая собой конец самодержавия, вызвала мощное брожение в армии, которое коснулось и Кавказской армии. На местах стали создаваться солдатские комитеты, которые отстраняли от командования частями нежеланных для них офицеров. Тем самым был подорван принцип единоначалия в армии. В порядке дня Краевого съезда были многие злободневные вопросы, касающиеся текущего момента и тактики, войны и мира, отношения к Временному правительству, аграрному и национальному вопросам, Учредительного собрания и времени его созыва. Одним словом, все вокруг требовали прав, но при этом не хотели брать на себя никаких обязанностей. По сообщению главнокомандующего Добровольческой армии А.И.Деникина, "демократизация" армии или "Приказ №1" нанесла сокрушительный удар по системе единоначалия в армии, в результате которого фактическая власть в армии была передана в руки так называемых "солдатских комитетов". См.: A.I.Denikin. The Russian Turmoil. Memoirs: Military, Social and Political. Westport, Connecticut: Hyperion Press, INC., 1973, p.59-61. Между прочим, о том же с сожалением писал в своих воспоминаниях бывший ротмистр Персидской казачьей дивизии С.Буцалель, указывая на развал армии и разгулявшуюся анархию в России: "Благодаря революции и приказу №1-ый солдатня начала превращаться в неопишную рвань, нечего было и думать о продолжении войны. Императорская Великая Россия катилась в пропасть...". См.: С.Буцалель III. Воспоминания о службе в Персидской казачьей его величества шаха бригаде" – "Наши Вести", №434/2735, с.15.

27. АНЦРГ, ф.39, д.75, л.56об.-57. Следует заметить, что генерал Баратов не пошел наперекор большевистской власти, потребовавшей вывода русских войск из Ирана. Отвод частей Экспедиционного корпуса, согласно телеграмме Баратова на имя барона Майделя от 18 декабря 1917, начался уже зимой того года. См.: РГВИА, фонд 13185, опись 3, д.48, л.174.

28. Следует заметить, что генерал Баратов вместе со штабом Экспедиционного корпуса расположился в Казвине еще 1 ноября 1915 г., а к 20 ноября того же года русские войска заняли все исходные пункты для начала наступательной операции на позиции противника. См.: А.Г.Емельянов. Персидский фронт. Берлин: Издательство "Гамаюн", 1923, с.22.

29. Имеется в виду российский посланник в Тегеране С.А.Поклевский-Козелл, со стилем работы которого ему пришлось познакомиться еще во время своей первой служебной командировки в Иран в 1907-1914 годах. Тогда в своих "Записках воспитателя персидского шаха. 1907-1914 годы" К.Н.Смирнов писал о нем следующее: "Знавшие его раньше говорили, что он никогда до Персии не работал и не умеет работать, но в Персии, во всяком случае, ему пришлось работать много, и он с этой работой хорошо справился. Сотрудникам его было очень трудно, т.к. режим был невозможный. У него не было определенного часа для обеда (иногда садились за обед вместо 8 часов, в 11 часов ночи), и, вернувшись поздно из гостей, он начинал в третьем часу ночи заниматься делами...". См.: К.Н.Смирнов. Записки воспитателя персидского шаха. 1907-1914 годы", с. 40.

30. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.22об.

31. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 2000, оп.1, д.7749, л.5.

32. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.25об.

33. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.41.

34. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.30.

35. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.49об.-50.

36. Согласно известному участнику Конституционной революции 1905-1911 гг. в Иране Хасану Таги-заде, Амир Хешмет одно время был начальником войска провинции Азербайджан и главой моджахедов, боровшихся против сторонников отстраненного от власти Мохаммад Али-шаха – Самад-хана Шоджи од-Доуле и русских войск. В начале 1912 г. после понесенного им поражения Амир Хешмет вместе с группой моджахедов бежал в Салмас, а оттуда в Урмию, после чего укрылся в пограничной турецкой казарме. По сведениям же Хосейна Казем-заде, он нашел прибежище в Салмасы у турецкого пограничного комиссара. См.: Эдуард Браун. Намехаи аз Табриз. Тарджоме-йе Джавад Хасани. Техран: Шеркат-е сахаби-йе офсет, 1351 (1973), сс. 121, 167.

37. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.30об.-31об.

38. Капитан Генерального штаба В.Д.Каргалетели (или Каргаретели), как известно, был старшим адъютантом штаба 1-ой Кавказской казачьей дивизии, и как видно, и в Экспедиционном корпусе генерала Баратова выполнял схожие функции. См.: Ф.И.Елисеев. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с.9. Согласно же А.Г.Емельянову, во время наступления в апреле 1916 года на Ханекин Каргалетели, которого называли "злым гением Баратова", одно время исполнял должность начальника штаба Экспедиционного корпуса. По мнению этого же автора, вину за неудачу наступления в направлении Багдада тогда несправедливо приписывали Каргалетели. См.: А.Г.Емельянов. Персидский фронт (1915-1918). Берлин: Издательство "Гамаюн", 1923 г., с.87. Кстати, это тот самый В.Д.Каргалетели, который после окончания своей службы на Северном фронте вернулся на Кавказ, откуда с небезызвестным Буду Мдивани неожиданно появился в лагере Кучик-хана Джангали в Реште.

О них, как о "двух агрессивных коммунистах", упоминает в своих воспоминаниях английский политический офицер С.Дж.Эдмондс. См.: С. J. Edmonds. East and West of Zagros. Travel, War and Politics in Persia and Iraq, 1913-1921. Edited and with an introduction by Yann Richard. Leiden-Boston: Brill, 2010, p.304.

39. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.41.

40. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.49об.

41. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.34-34об.

42. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.49об.

43. Следует заметить, что В.Ф.Кирсанов проработал в должности вице-консула в Мосуле не менее пяти лет. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 1300, Отдел ОГЕНКВАР 1864-1918 гг., опись 1, дд.1307, 1503.

44. Дело в том, что в то время на должности консулов, вице-консулов, а порой и секретарей Генеральных консульств в Турции и Иране нередко назначались офицеры Генерального штаба, которые, получив гражданские чины, на самом деле исполняли роль негласных военных агентов. После завершения службы по линии МИДа, как обычно, они возвращались к своим прямым воинским обязанностям.

45. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.23.

46. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.33.

47. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26.

48. Согласно Арнольду Вильсону, так называемые "политические офицеры" в британской армии "были повсюду признаны, как прямые посредники между армией и населением". См.: Arnold Wilson. Lieutenant-Colonel, Sir. Loyalties. Mesopotamia. 1914-1917. A Personal and Historical Record.

Oxford University Press. London: Humphrey Milford. 1930, p.143. Если же быть более конкретным, то прямой обязанностью английских "политических офицеров" было ведение агентурной разведки. См.: Елисеев Ф.И. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года, с.16.

49. Амир Афхам – хамаданский губернатор и помещик (здесь и далее примечания Смирнова).

50. Амир Афшар – глава афшарского племени в районе Зенджана.

51. Болховитинов – исполняющий обязанности начальника штаба Кавказского военного округа.

52. Прозоркевич – командир Персидской казачьей бригады.

53. АНЦРГ, ф.39, д.70, л.51.

54. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26.

55. Там же, л.28.

56. Там же, л.27об.

57. АНЦРГ, ф.39, д.63, л.30об.

58. АНЦРГ, ф.39, д.72, л.35об.-36.

59. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.28.

60. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.22.

61. Дама в черном – фран. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.24.

62. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.27об.

63. АНЦРГ, ф.39, д.62, л.26об.

64. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.38об. На самом же деле, вопрос прорыва частями Экспедиционного корпуса генерала Баратова турецкой блокады не был решен не по причине "запоздалости" начала наступления русских войск, а из-за отсутствия у них глубокого тыла и отдаленности от основной базы снабжения – Энзели.

65. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.39об.

66. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.40-40об.

67. АНЦРГ, ф.39, д.67, л.40об.

68. АНЦРГ, ф.39, д.66, л.44об.

69. АНЦРГ, ф.39, д.66, л.45об.

70. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.48об.

71. АНЦРГ, ф.39, д.68, л.23.

72. РГВИА, фонд 2000, опись 1, д.7749, л.21.

73. РГВИА, фонд 2000, опись 1, д.7749, л.23.

74. АНЦРГ, ф.39, д.70, л.51об.

75. АНЦРГ, ф.39, д.64, л.39об.

References:

1. Sm.:M. Philips Price (Special Correspondent of the "Manchester Guardian"). War&Revolution in Asiatic Russia. London: George Allen&Unwin LTD, 1918, p.50-51.

2. О ego rabotakh smotri: N.K.Ter-Oganov. Zhizn' i deyatel'nost' Konstantina Nikolaevicha Smirnova – v knige: K.N.Smironov. Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907–1914 gg. (s prilozheniyami), [Pod nauchnoi redaktsiei N.K.Ter-Oganova]. Tel'-Aviv: Ivrus, 2002, s.12-14.

3. Arkhiv Natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii, fond 39 (dalee: ANTsRG).

4. K velikomu nashemu sozhaleniyu, nesmotrya na to, chto avtor regul'yarno pisal pis'ma s fronta svoei supruge, v Arkhive Natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii sokhranilas' lish' malaya chast' etikh pisem. Mnogie iz etikh pisem doshli do nas ne v polnom vide (ego lichnyi arkhiv i bogataya biblioteka v gody sovet'skoi vlasti, v pryamom smysle etogo slova, byli prosto opustosheny). Tem ne menee utselevshie pis'ma ili ikh fragmenty dayut nam predstavlenie o voenno-politicheskoi obstanovke v Irane i Turtsii, a takzhe o kharaktere deyatel'nosti K.N.Smironova v etikh stranakh.

5. ANTsRG, f.39, d.62, l.27об.; d.63, l.30-31об. Kstati, v svoem romane "Vrata Bagdada" ego avtor Khadzhi-Murat Muguev, byvshii sotrudnik Razvedyvatel'nogo otdeleniya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, takzhe pol'zuetsya etim unizitel'nym slovom – "persyuki": "A eti, khuch' i persyuki, a dobrye – rovno rodnye". Sm.: Khadzhi-Murat Muguev. Vrata Bagdada. Roman. M.-L.: "Zemlya i Fabrika", [1928], s.134.

6. ANTsRG, f.39, d.27, l.85.

7. K etoi chasti, bez vsyakogo somneniya, možhno otnesti "klassika" armenofobii V.L.Velichko, byvshego redaktora gazety "Kavkaz", avtora izvestnogo paskvilya "Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennye voprosy", SPb., 1904; kniga možhet sluzhit' "nastol'nym rukovodstvom" takzhe po yudofobii; kstati, ona byla pereizdana v Baku v 1990 g. izdatel'stvom "Elm" (Znanie). Prichem ne sleduet zabyvat' i o "vklade" v armenofobiyu russkogo voennogo agenta v Vane i Trapezunde V.F.Maevskogo, s kotorym K.N.Smironov imel blizkoe znakomstvo.

Po priznaniyu K.N.Smironova, V.F.Maevskii, prorabotavshii v Osmanskoi imperii dvadtsat' let, pod konets svoei sluzhebnoi kar'ery, prevratilsya v yarogo turkofila i germanofila, storonnika sokhraneniya tselostnosti Osmanskoi imperii. Sledovatel'no, stremlenie arмян k svobode ili natsional'no-osvoboditel'noe

dvizhenie balkanskikh khristianskikh narodov protiv sultanskoi vlasti on otsenival so svoikh retrogradskikh pozitsii (kстати, i segodnya sovremennye adepty armenofobii, aktivno ispol'zuya internet-resursy, okhotno tsitiruyut obshirnye passazhi iz publikatsii V.L.Velichko i V.F.Maevskogo). Sleduet zametit', chto naskol'ko gluboko V.F.Maevskii uvekhsya turkofil'stvom i germanofil'stvom, nastol'ko zhe gluboko on nenavidel anglichan. Poetomu ne vzyvaet udvleniya to obstoyatel'stvo, chto v kontse svoei sluzhebnoi kar'ery v 1918 g. V.F.Maevskii sdelal sleduyushchie sumasbrodnye zayavleniya, kotorye pokazyvayut istinnoe litso vyrodivshegosya voennogo agenta: "Pust' pererezhet drug druga v grazhdanskoi voine Rossiya, byla by tsela tol'ko Germaniya, inache voz'met verkh Angliya" ili zhe sovershenno neponyatnyi geopoliticheskii raschet, a tochnee politicheskaya blizorukost' ili prosto proschet: "Rossii nuzhna sil'naya Turtsiya" - ?! Sm.: ANTsRG, f.39, d.27, l.58.

8. N.Ter-Oganov. Rapport du capitaine en second Constantin Smirnov sur son voyage en Turquie en 1904. Iran and the Caucasus. Vol.10.2., Leiden-Boston, pp.209-229.

9. O metodakh posledovatel'noi bor'by protiv probudivshegosya natsional'nogo dvizheniya armyan so storony tsarskoi administratsii na Kavkaze, nashedshei nadezhnuyu oporu v litse mestnykh reaktionerov-retrogradov, s ochevidnoi dostovernost'yu rasskazal spetsial'nyi korrespondent angliiskoi gazety "Manchester Gardian" M.F.Prais v svoei knige "Voyna i revolyutsiya v Aziatskoi Rossii". Sm.: M.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.255-269.

10. V otlichie ot shtabs-kapitana Smirnova, kazachii ofitser F.I.Eliseev, prinyavshii samoe aktivnoe uchastie v boevykh operatsiyakh na Kavkazskom fronte, a takzhe v izvestnom reide kazach'ei sotni V.D.Gamaleya v Mesopotamiyu v 1916 g., daet ves'ma polozhitel'nyu otsenku kak lichnostnym, tak i natsional'nym kachestvam rukovoditelei i chlenov armyanskikh dobrovol'cheskikh druzhin: "Ikh doblestnye vozhdii, - pishet F.I.Eliseev, - byli shtatskimi i natsional'nymi armyanskimi politicheskimi deyatel'nyami v Rossii... ikh distsiplina i vsya sut' voinskogo dvizheniya, postroennogo na dobrovol'nykh nachalakh, byli osnovany na glubochaishem natsional'nom entuziazme s glavnoi tsel'yu – osvobozhdenii Armenii ot turok". Sm.: F.I.Eliseev. Kazaki na Kavkazskom fronte. 1914-1917. Zapiski polkovnika Kubanskogo kazach'ego voiska v trinadtsati broshyurakh-tetrad'yakh. Sostavitel' Strelyanov P.N., M.: Voenizdat, 2001, s.86.

11. ANTsRG, f.39, d.61, l.21.

12. ANTsRG, f.39, d.68, l.48.

13. ANTsRG, f.39, d.76, l.60-61ob.

14. ANTsRG, f.39, d.76, l.59ob.

15. Chtoby sokhranit' raspolozhenie Shamshadinova i ego plemeni, rukovodstvuyas' politicheskimi soobrazheniyami, kavkazskie voennye vlasti zachislili ego, bezgramotnogo polkovnika, v sostav lits, "sostoyashchikh pri voiskakh Kavkazskogo voennogo okruga", a v gody Pervoi mirovoi voyny prisvoili emu general'skoe zvanie. Sm.: ANTsRG, f.27, l.16ob.

16. Sm.: TsGIA Gruzii, f.1438, op.1, d.386.

17. ANTsRG, f. 39, d. 60, l.16ob.

18. ANTsRG, f.39, d.52, l.1.

19. "Baratov – pervyi tulumbash na Kavkaze. On lyubit vesel'e. Ne p'et; tol'ko delaet vid, chto p'et. On ochen' nakhodchiv, ostroumen i vokrug nego za stolom podlinnoe vesel'e" – tak vspominala gazeta "Chasovoi" o neordinarnom kachestve boevogo generala. Sm.: General Baratov - gazeta "Chasovoi", №103-104, mai 1933. s.25.

20. ANTsRG, f.39, d.58, l.10-10ob.

21. ANTsRG, f. 39, d. 67, l.40.

22. Khotya, esli sudit' po date telegrammy komandira Persidskoi kazach'ei divizii barona Maidelya ot 12 fevralya 1917 g., general Baratov zimoi 1916-17 g. goda vse eshche nakhodilsya v Kazvine. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv, fond 13185, opis' 3, d.48, l.17, 57 (dalee: RGVIA).

23. Kak izvestno, dlya zakhvata Khanekina po pros'be angliiskogo pravitel'stva byla provedena Kerind-Kasreshirinskaya operatsiya. Ona dolzhna byla oblegchit' polozhenie britanskogo otryada generala Charlza Taunsenda, okazavshegosya v plotnom okruzhenii turok v Kut-el'-Amare. Ekspeditsionnyi korpus generala N.N.Baratova, deistvovavshii v Irane, 5 (18) aprelya 1916 goda udaril vo flang 6-i turetskoi armii, protivostoyavshei britanskoi ekspeditsionnoi armii. 8 (21) aprelya chasti korpusa generala Baratova zanyali Kerind i Kasre-Shirin, a zatem, razvivaya nastuplenie na bagdadskom napravlenii, osvobodili ot turok Khanekin, vstupiv v predely Mesopotamii. Sm.: Vikipediya, <http://ru.wikipedia.org>. No kak stanovitsya yasno iz pis'ma Smirnova, korpus Baratova ne stal prodolzhat' svoe nastupatel'noe deistvie poskol'ku, ne uvidev so storony anglichan vstrechnogo dvizheniya, komandiru Korpusa bylo prikazano priostanovit' nastuplenie i zakrepit'sya k zapadu ot Kasre-Shirina. A letom 1916 g. Ekspeditsionnyi korpus byl okonchatel'no vyveden iz Mesopotamii.

24. ANTsRG, f.39, d.77, l.l.4-6.

25. ANTsRG, f.39, d.77, l.7.

26. Rech' idet o Pervom kraevom s'ezde Kavkazskoi armii, nachavshem svoyu rabotu 23 aprelya 1917 g. v Tbilisi. Kak izvestno, Fevral'skaya revolyutsiya, oznamenovavshaya soboi konets samoderzhaviya,

vyzvala moshchnoe brozhenie v armii, kotoroe kosnulos' i Kavkazskoi armii. Na mestakh stali sozdavat'sya soldatskie komitety, kotorye ostranyali ot komandovaniya chastyami nezhelannykh dlya nikh ofitserov. Tem samim byl podorvan printsip edinonachaliya v armii. V poryadke dnya Kraevogo s'ezda byli mnogie zlobodnevnye voprosy, kasayushchiesya tekushchego momenta i taktiki, voiny i mira, otnosheniya k Vremennomu pravitel'stvu, agrarnomu i natsional'nomu voprosam, Uchreditel'nogo sobraniya i vremeni ego sozyva. Odnim slovom, vse vokrug trebovali prav, no pri etom ne khoteli brat' na sebya nikakikh obyazannostei. Po soobshcheniyu glavnokomanduyushchego Dobrovol'cheskoi armii A.I.Denikina, "demokratizatsiya" armii ili "Prikaz №1" nanesla sokrushitel'nyi udar po sisteme edinonachaliya v armii, v rezul'tate kotorogo fakticheskaya vlast' v armii byla peredana v ruki tak nazyvaemykh "soldatskikh komitetov". Sm.: A.I.Denikin. The Russian Turmoil. Memoirs: Military, Social and Political. Westport, Connecticut: Hyperon Press, INC., 1973, p.59-61. Mezhdru prochim, o tom zhe s sozhaleniem pisal v svoikh vospominaniyakh byvshii rotmistr Persidskoi kazach'ei divizii S.Butsalel', ukazyvaya na razval armii i razgulyavshuyusya anarkhiyu v Rossii: "Blagodarya revolyutsii i prikazu №1-yi soldatnya nachala prevrashchat'sya v neopisuemuyu rvan', nechego bylo i dumat' o prodolzhenii voiny. Imperatorskaya Velikaya Rossiya katilas' v propast'...". Sm.: S.Butsalel' III. Vospominaniya o sluzhbe v Persidskoi kazach'ei ego velichestva shakha brigade" – "Nashi Vesti", №434/2735, s.15.

27. ANTsRG, f.39, d.75, l.56ob.-57. Sleduet zametit', chto general Baratov ne poshel naperekor bol'shevistskoi vlasti, potrebovavshei vyvoda russkikh voisk iz Irana. Otvod chastei Ekspeditsionnogo korpusa, soglasno telegramme Baratova na imya barona Maidelya ot 18 dekabrya 1917, nachalsya uzhe zimoi togo goda. Sm.: RGVIA, fond 13185, opis' 3, d.48, l.174.

28. Sleduet zametit', chto general Baratov vmeste so shtabom Ekspeditsionnogo korpusa raspolozhilsya v Kazvine eshche 1 noyabrya 1915 g., a k 20 noyabrya togo zhe goda russkie voiska zanyali vse iskhodnye punkty dlya nachala nastupatel'noi operatsii na pozitsii protivnika. Sm.: A.G.Emel'yanov. Persidskii front. Berlin: Izdatel'stvo "Gamayun", 1923, s.22.

29. Imeetsya v vidu rossiiskii poslannik v Tegerane S.A.Poklevskii-Kozell, so stilem raboty kotorogo emu prishlos' poznakomit'sya eshche vo vremya svoei pervoi sluzhebnoi komandirovki v Iran v 1907-1914 godakh. Togda v svoikh "Zapiskakh vospitatelya persidskogo shakha. 1907-1914 gody" K.N.Smironov pisal o nem sleduyushchee: "Znavshie ego ran'she govorili, chto on nikogda do Persii ne rabotal i ne umeet rabotat', no v Persii, vo vsyakom sluchae, emu prishlos' rabotat' mnogo, i on s etoi rabotoi khorosho spravilsya. Sotrudnikom ego bylo ochen' trudno, t.k. rezhim byl nevozmozhnyi. U nego ne bylo opredelennogo chasa dlya obeda (inogda sadilis' za obed vmesto 8 chasov, v 11 chasov nochi), i, vernuvshis' pozdno iz gostei, on nachinal v tret'em chasu nochi zanimat'sya delami...". Sm.: K.N.Smironov. Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907-1914 gody", s. 40.

30. ANTsRG, f.39, d.62, l.22ob.

31. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Fond 2000, op.1, d.7749, l.5.

32. ANTsRG, f.39, d.62, l.25ob.

33. ANTsRG, f.39, d.67, l.41.

34. ANTsRG, f.39, d.63, l.30.

35. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.-50.

36. Soglasno izvestnomu uchastniku Konstitutsionnoi revolyutsii 1905-1911 gg. v Irane Khasanu Tagi-zade, Amir Kheshmet odno vremya byl nachal'nikom voiska provintsii Azerbaidzhan i glavoi modzhakhedov, borovshikhsya protiv storonnikov odstranennogo ot vlasti Mokhammad Ali-shakha – Samad-khana Shodzhi od-Doule i russkikh voisk. V nachale 1912 g. posle ponesennogo im porazheniya Amir Kheshmet vmeste s gruppoi modzhakhedov bezhal v Salmas, a ottuda v Urmiyu, posle chego ukrylsya v pograničnoi turetskoi kazarme. Po svedeniyam zhe Khoseina Kazem-zade, on nashel pribezhihche v Salmase u turetskogo pograničnogo komissara. Sm.: Eduard Braun. Namekhai az Tabriz. Tardzhome-ie Dzhavad Khasani. Tekhran: Sherkat-e sakhami-ie ofset, 1351 (1973), ss. 121, 167.

37. ANTsRG, f.39, d.63, l.30ob.-31ob.

38. Kapitan General'nogo shtaba V.D.Kargaleteli (ili Kargareteli), kak izvestno, byl starshim ad'yutantom shtaba 1-oi Kavkazskoi kazach'ei divizii, i kak vidno, i v Ekspeditsionnom korpusse generala Baratova vpolnyal skhozhie funktsii. Sm.: F.I.Eliseev. Reid sotnika Gamaleya v Mesopotamiyu v mae 1916 goda, s.9. Soglasno zhe A.G.Emel'yanovu, vo vremya nastupleniya v aprele 1916 goda na Khanekin Kargaleteli, kotorogo nazyvali "zlym geniem Baratova", odno vremya ispolnyal dolzhnost' nachal'nika shtaba Ekspeditsionnogo korpusa. Po mneniyu etogo zhe avtora, vinu za neudachu nastupleniya v napravlenii Bagdada togda nespravedlivo pripisyvali Kargaleteli. Sm.: A.G.Emel'yanov. Persidskii front (1915-1918). Berlin: Izdatel'stvo "Gamayun", 1923 g., s.87. Kstati, eto tot samyi V.D.Kargaleteli, kotoryi posle okonchaniya svoei sluzhby na Severnom fronte vernulsya na Kavkaz, otkuda s nebezyzvestnym Budu Mdivani neozhidanno poyavilsya v lagere Kuchik-khana Dzhangali v Reshte.

O nikh, kak o "dvukh agressivnykh kommunistakh", upominaet v svoikh vospominaniyakh angliiskii politicheskii ofitser S.Dzh.Edmonds. Sm.: C.J.Edmonds. East and West of Zagros. Travel, War and Politics in

Persia and Iraq, 1913-1921. Edited and with an introduction by Yann Richard. Leiden-Boston: Brill, 2010, p.304.

39. ANTsRG, f.39, d.67, l.41.

40. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.

41. ANTsRG, f.39, d.72, l.34-34ob.

42. ANTsRG, f.39, d.68, l.49ob.

43. Sleduet zametit', chto V.F.Kirsanov prorabotal v dolzhnosti vitse-konsula v Mosule ne menee pyati let. Sm.: Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. Fond 1300, Otdel OGENKVAR 1864-1918 gg., opis' 1, dd.1307, 1503.

44. Delo v tom, chto v to vremya na dolzhnosti konsulov, vitse-konsulov, a poroi i sekretarei General'nykh konsul'stv v Turtsii i Irane neredko naznachalis' ofitsery General'nogo shtaba, kotorye, poluchiv grazhdanskie chiny, na samom dele ispolnyali rol' neglasnykh voennykh agentov. Posle zaversheniya sluzhby po linii MIDa, kak obychno, oni vozvrashchalis' k svojim pryamym voinskim obyazannostyam.

45. ANTsRG, f.39, d.62, l.23.

46. ANTsRG, f.39, d.72, l.33.

47. ANTsRG, f.39, d.62, l.26.

48. Soglasno Arnol'du Vil'sonu, tak nazyvaemye "politicheskie ofitsery" v britanskoi armii "byli povsyudu priznany, kak pryamyie posredniki mezhdru armiei i naseleniem". Sm.: Arnold Wilson. Lieutenant-Colonel, Sir. Loyalties. Mesopotamia. 1914-1917. A Personal and Historical Record. Oxford University Press. London: Humphrey Milford. 1930, p.143. Esli zhe byt' bolee konkretnym, to pryamoi obyazannost'yu angliiskikh "politicheskikh ofitserov" bylo vedenie agenturnoi razvedki. Sm.: Eliseev F.I. Reid sotnika Gamaleya v Mesopotamiyu v mae 1916 goda, s.16.

49. Amir Afkham – khamadanskii gubernator i pomeshchik (zdes' i dalee primechaniya Smirnova).

50. Amir Afshar – glava afsharskogo plemeni v raione Zendzhana.

51. Bolkhovitinov – ispolnyayushchii obyazannosti nachal'nika shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.

52. Prozorkevich – komandir Persidskoi kazach'ei brigady.

53. ANTsRG, f.39, d.70, l.51.

54. ANTsRG, f.39, d.62, l.26.

55. Tam zhe, l.28.

56. Tam zhe, l.27ob.

57. ANTsRG, f.39, d.63, l.30ob.

58. ANTsRG, f.39, d.72, l.35ob.-36.

59. ANTsRG, f.39, d.62, l.28.

60. ANTsRG, f.39, d.62, l.22.

61. Dama v chernom – fran. ANTsRG, f.39, d.62, l.24.

62. ANTsRG, f.39, d.62, l.27ob.

63. ANTsRG, f.39, d.62, l.26ob.

64. ANTsRG, f.39, d.64, l.38ob. Na samom zhe dele, vopros proryva chastyami Ekspeditsionnogo korpusa generala Baratova turetskoi blokady ne byl reshen ne po prichine "zapozdalosti" nachala nastupleniya russkikh voisk, a iz-za otsutstviya u nikh glubokogo tyla i otdalennosti ot osnovnoi bazy snabzheniya – Enzeli.

65. ANTsRG, f.39, d.64, l.39ob.

66. ANTsRG, f.39, d.67, l.40-40ob.

67. ANTsRG, f.39, d.67, l.40ob.

68. ANTsRG, f.39, d.66, l.44ob.

69. ANTsRG, f.39, d.66, l.45ob.

70. ANTsRG, f.39, d.68, l.48ob.

71. ANTsRG, f.39, d.68, l.23.

72. RGVIA, fond 2000, opis' 1, d.7749, l.21.

73. RGVIA, fond 2000, opis' 1, d.7749, l.23.

74. ANTsRG, f.39, d.70, l.51ob.

75. ANTsRG, f.39, d.64, l.39ob.

Письма К.Н.Смирнова с Кавказского фронта 1914–1917 гг.

дело 52

[Камарли], 19 декабря 1914 г.

Дорогая моя, бедная Ксенюшка!

Сейчас получил твою телеграмму о том, что в Тифлисе нельзя оставаться и страшно встревожился [1]. Воображаю какая сейчас паника, как все переполнено и как трудно уезжать. С твоим здоровьем это особенно трудно, и я очень боюсь за тебя. Ведь доктора тебе рекомендуют покойную жизнь, а разве-же это покойная жизнь. Бедная моя, бедная. Как ты измучаешься со всем этим! Не дай Бог, это окончательно подорвет твои силы!

Я очень угнетен всем этим и негодую на наше начальство, допустившее такую катастрофу [2]. Бедную маму тоже, конечно, очень жаль, но все-же я за тебя больше беспокоюсь. И зачем приезжала сюда Е.Н. [3] Ведь говорил-же я, что в случае войны Тифлис не такое место, чтобы приезжать туда. Бедной старухе теперь тоже надо бежать и самой ей трудно, да и тебе прибавляет заботу. Я представляю себе, как тебе трудно: надо ведь раздобыть из сберегательной кассы или текущего счета денег (воображаю, что делается в банке), хоть как-нибудь сложить вещи, что можно пристроить, если уже не поздно, уложиться в дорогу и все это бедной тебе приходится делать. Это и сильному человеку трудно справиться. К сожалению, и Мая слаба.

Коблянская, вероятно останется. Ей нечего особенно беспокоиться. Ведь она собственно турчанка. Как объяснил мне Шамшадинов [4], в Аджарии, как в Осетии, одни православные, другие родственники из мусульман, одни считаются грузинами, другие турками. Вот из таких-то жена Фейзуллы-Бека Коблянского. Может быть это знакомство теперь будет полезно.

Фото 3. Аль-Ашреф-бек Шамшадинов, генерал-майор. Родоначальник курдского племени Зилянлы, 1914 г.

Ты первым делом хотела приехать ко мне. Спасибо тебе, дорогая, но нельзя этого [делать]. Мы должны выехать в Игдырь и если даже нельзя будет нам ехать в Турцию, как предполагалось раньше, все-же, по-моему, необходимо в настоящее время держать Ш[амшадинова] поближе к штабу корпуса. Ведь народ тут неверный и всегда можно придать чего-нибудь в здешних краях. У меня очень беспокойно сердце, что я здесь, а казаки в Рамазанкенде. Между тем, из-за почты и телеграфа сегодня приехал и пробуду здесь до послезавтра, т.к. надо писать почту и жду ответа на телеграмму.

Собственно говоря, я, как это не грустно, сознаться, приехав из Персии и взглянув на то что делается, в душе тогда-же решил, что Кавказская армия уже разбита. Так собственно и случилось, но надеюсь, что успеют поправить дела Берхманов [5], Баратовых [6] и проч. милых людей. Не без вины и наше отделение [7]. Дай Бог, чтобы приняли меры против

случившейся катастрофы, да прислали бы дельных людей. Ведь нельзя все петь аллаверды и надеяться на дух Кавказской армии.

Что буду лично я делать в случае восстания здесь, я положительно не отдаю себе отчета, но надеюсь до тех пор успеть выбраться в Игдырь. Надеюсь, что здравый смысл и счастье не изменят мне и верю, что все что не делается, к лучшему. Но главное, главное это ты моя ненаглядная. Хорошо, что у нас нет детей, а то еще больше было бы заботы. Е[лизавете] Н[иколаевне] передай мои добрые пожелания, счастливого пути.

Но знаешь, моя дорогая, мне все-таки не жаль, что мы уехали из Тегерана. Подумай, каково было-бы там переживать такие грустные известия и бывать при этом при дворе, а главное, чтобы с нами ни случилось, а наш долг был вернуться в Россию.

дело 54

Камарли, декабрь 1914 г.

[В самой верхней части письма рукой автора приписано: Если увидишь Ардатова [8], то скажи ему, что если до нового года Ш[амшадинову] не дадут денег и не вытребуют нас в Игдырь, буду просить, чтобы меня отозвали. Я не хочу быть в таком невыносимом положении. Каждый день приезжают всадники в надежде, что им дадут денег на содержание лошадей, а денег все нет. Ведь это же не Персия! Нельзя же обманывать народ.

Дорогой мой Кисочек!!

Получил твои письма от 23 и 24-го. Я тобой очень доволен, ты умная. Сегодня получил от мамы два письма и в них о тебе следующие фразы: «Спасибо ей, любезна ко мне». «Спасибо ей, очень была внимательна и хлопотала если можно устроить мой отъезд». А я тебе очень благодарен, что ты исполнила свой долг. Молодец. Слава Богу, что физические силы не оставили тебя, а за твой дух я всегда спокоен. Курды, приехавшие сегодня говорили, что в Игдыре, в Штабе [имеется в виду штаб IV корпуса – Н.К.Тер-Оганов] меня ждут, я же...

дело 58:

Диадин, 15 января 1915 г.

Дорогая моя Ксенюша!

Приехали мы в Диадин. Грязь всюду ужасная. Все страшно загажено. Следовало-бы сюда побольше карболки, сулемы и проч. и назначить особые санитарные отряды для чистки. Естественно, что где проходит такая масса животных и людей чистоты быть не может и весной обязательно должны начаться заболевания. Уже и теперь начался сыпной тиф, пока в виде единичных случаев. С нами едут два представителя союза городов [9] Тамамшев, а другой – грузин, оба присяжные поверенные, я обращаю их внимание на эту сторону дела, а если тебе придется видеться с какими-нибудь благотворителями, то обрати ты тоже внимание их на это. Поздно будет когда хватит холера, повальный тиф и т.п. До сих пор раздевался на ночь; после Диадина верно уже не придется. Дела идут очень хорошо. Население, узнав о приезде Ш[амшадинова], со всех сторон сходится на поклон и даже начали сдавать оружие. К сожалению мародеры натворили много бед. Особенно земляки Петра Петровича (кубанские казаки) из того города откуда и Доброхотов (из Асхабада). Многие будут богаты, но кругом нищета. Удивляюсь бессовестности людей. У Ш[амшадинова], конечно, тенденция защищать исключительно своих и мне приходится умерять его пыл, напоминая каждую минуту, что и его соотечественники не ангелы и что это война. К сожалению, мне не придется купить курдских паласов, т.к. в моем теперешнем положении это неудобно. У самих курдов нет ничего, а все в руках казаков и армян. Вероятно, пробудем здесь дня три и поедем в Каракилису. Население все разбежалось, да его много и не было, а потому, по-моему, можно особенно тут не засиживаться, а лучше поскорей приехать в Игдырь, чтобы выяснить скорей дальнейшее положение Ш[амшадинова], а вместе с тем и мое. Перед этим ночевали на этапе в Бубу, в землянке, но у коменданта была и икра и коньяк и сравнительные удобства. Очень милый старичок, Страдовский. Он бывший измайловец и теперь уже 30 лет был в отставке. Курды его целуют в руку, а он за них стоит горой и на днях получил даже разнос от начальства. Любит выпить, но видимо человек хороший [10].

Начальник округа Татиев, которого мы привезли сюда, как-бы водворять с курдами, никогда дел не имел. Служил раньше по администрации, а теперь поступил из отставки. Здешний район почти все из отставных, начиная с командира корпуса (IV кав[казский].корпус). Сегодня у нас завтракали н[ачальни]-к округа и представители союза городов. Съели foie-gras [11], ели сардинки, сыр, масло; коньяк у меня был тоже. Был шашлык и бараний суп, а у Ш[амшадинова] оказались конфеты. У меня вчера кончился запас сладостей, консервы и немного выпивки, есть еще на один такой завтрак в Каракилисе, куда мы тоже будем водворять н[ачальни]ка округа. Я здоров, но вчера чувствовал себя не совсем хорошо, т.к. Диадин на высоте 6.400 футов и немножко первое время тяжело дышалось, а сегодня привык уже. Кроме того, от черного хлеба раздувает живот и принимаю т[ак] назыв[аемый] порох. Во всяком случае, всюду можно достать хороший черный хлеб и солдатский обед, хотя пока к этому редко прибегали, но хлеба другого нет.

Будь здорова, моя дорогая Кысочка! Я тебя очень люблю и крепко, крепко тебя целую. Когда-то мы с тобой увидимся!

Твой верный К.

Дело 59:

Игдырь, 27 сентября 1915 г.

Дорогая Ксенюша!

Еще продолжаю сидеть в Игдыре [12]. Сегодня утром мне должны были привести трех лошадей, но надули и ничего не привели, и я остался из-за этого. Тут сейчас армянские дружины, Дро [13] и всякая такая публика, так что лошади на расхват..

Пятый день холеры в Игдыре почти (...) совершенно и даже наоборот армянские дружинники приходили вчера к доктору с запором.

Дело 60:

Баязид, 5 октября, [19]15 г.

Только что прочел твои два письма от 28 и 29 сент[ября]. Получил-то я их часа на полтора раньше, но не мог тотчас прочесть, т.к. как раз была получена телеграмма, что курды, видимо в отместку за экспедицию, лишившую их скота, отогнали 800 голов из Арзина и оттуда просили помощи команды, завязавшей перестрелку. В 4 1/2 часа, т.е. к вечеру пошла сотня, а я уже поеду, если действительно казакам удастся отразить курдов. Возьму тогда команду пехоты и пойду на помощь (пока писал эта сотня уже вернулась, констатируя, что 3 часа тому назад скот уже прогнали на Арарат и ничего больше нельзя сделать).

Сегодня завалили телеграммами – от Мдивани (нач. Штаба IV корпуса) было три телеграммы. Вообще работаю целый день с 9 утра до 9 вечера и только днем часа два бывает затишье. Пока работа довольно интересная и требующая энергии. Экспедиция под Арарат (под начальством Бежин-бека), заключающаяся в угоне большого количества скота, кончилась и курды стараются отомстить. С уходом экспедиционного отряда приходится расхлебывать мне. Ховен (Барон Н.Н. фон-дер-Ховен, нач. Баязидского округа) сегодня проехал в Диадин.

К сожалению, я не совсем здоров. Несколько дней уже мой желудок не принимает почти никакой пищи, лучше переносит сгущенный кофе, но аппетит есть и силы есть, только от времени до времени ослабеваю. Сегодня после обеда напала слабость, озноб и, по моему, нечто вроде жара, что продолжалось часа два. Очевидно, малярия. Доктор хотя и слабый, но все же кое-что должен смыслить. Он говорит, что это время возобновления малярии у всех, у кого она есть. И как нарочно, не взял я термометра. Капсюли от поноса приходят к концу, хины тоже много потребил. Когда будешь снаряжать посылку, положи того и другого. Теперь я занимаюсь вывозом сена, находящегося близ Арарата, и принадлежащего враждебным курдам. Занимаются этим обывательские ишаки, а конвой – казаки, солдаты и армянские добровольцы. Ведь у меня несколько десятков этого сброда из здешних армян, вооруженных ружьями.

[Баязид], 6 октября [1915 г.]

Не было ведь начальников округов [14] и обходились, как завели, начальство надоедает, то секретные пакеты, то телеграммы и простые, и шифрованные. Поверишь-ли, сейчас 9 1/2 часов вечера и я только сейчас освободился, начав в 9 утра. Много было и писанья. Работа, по характеру, скорей консульская. Разбирал тяжбу через переводчика, говоря по-французски, по-персидски, поговорил с купцом, приехавшим из Персии, прочел персидское письмо Оводжикского хана, принял баранов, пригнанных курдами мирными (разбойники не могли угнать и оставили в болоте) и подарил для поощрения 5 рублей...

Если будет так продолжаться и развиваться дело, то я не знаю, как я буду справляться. Скучать совсем нет времени. Я все время о тебе думаю, моя дорогая, но с особенной остротой чувствую нашу разлуку, когда растянусь в постели на твоей подушечке и вспомню, что теперь, раньше чем заснуть, мы бы крепко пожали друг другу руки.

Очень мне бы хотелось, чтобы ты приехала, но я уже не знаю, как это будет. Во-первых, спросить бы разрешения, чтобы на чистоту, без придинок, да может быть не разрешат, так что лучше уж прямо приехать без разрешения через Маку. Жаль, что у тебя нет ценза сестры милосердия, у Маруси есть и ей это не надо, а тебе бы пригодилось. Во-вторых, тебе жизнь будет тут не веселая, раз я целый день занят, правда почти целый день в комнате соседней со спальней, но каково будет тебе сидеть большую часть дня в спальне. С другой стороны, едва ли меня отпустят съездить, так как некому сдать дела. Командир сотни не такого сорта человек, чтобы его можно было надолго оставлять за себя. Посмотрим, что Бог даст, как-нибудь устроится, только и ты со своей стороны думай и хлопочи что-нибудь.

Между Маку и Баязидом сейчас без большого конвоя человек не менее пятнадцати ездить рискованно. Кроме того, военное положение вероятно определится через недели две, т.к. по моим сведениям, дней через десять турки по всему фронту проявят деятельность.

Здоровье мое сегодня немножко лучше, чем вчера, но все же неудовлетворительно. Сегодня не лихорадило, хину принимаю два раза в день, но отношение желудка к пище все то же. Слабит понемногу в день раз пять, раз в ночь тоже приходится вставать. Принимаю три капсулы в день, два раза в день капли кондурного [15]. Ром, галеты, немного супа, чай, сгущенный кофе, немного шоколада. К удивлению моему, пока по-моему, не похудел и есть силы работать. Завтра собираюсь ехать в Арзап (часа 2 пути). Ты, моя дорогая Ксенюшка, не беспокойся и не преувеличивай, я пишу тебе свои заботы, зная, что ты относишься благоразумно к явлениям жизни. Во всяком случае, слава Богу, что попал в Баязид, а не в другое место и комфорту больше и ближе, в случае разболеюсь, так и выбраться нетрудно. Вторую и последнюю банку кофе пускаю в ход, а сухой кофе наполовину испортили мыши, которых здесь очень много. Но есть кошки, которые иногда приходят и ловят.

Нашли угли и самовар, стал действовать на славу. Вот только темно работать по вечерам, а потому пиши, пожалуйста, письма свои более четким карандашом.

Ящик с патронами еще не нашелся, неприятность может быть разве за то, что отправлен не в специальном вагоне для взрывчатых веществ, но ведь это было бы смешно.

Милая моя, дорогая Кисочка, я очень благодарен тебе за письма и очень они мне интересны. Вот, к сожалению, я не умею писать хороших писем. Будь здорова моя радость, носи свое синее шелковое платье и пальто, франти на здоровье. Ты мой друг. Доходят ли до тебя письма!, а пишу я тебе с каждой почтой. Крепко тебя обнимаю и целую, целую много много раз твои руки. Твой верный и горячо любящий тебя К. Скажи маме, что я ее целую.

Дело 61:

Баязид, 19.X.1915 г.

Дорогая моя Ксенюшечка!

Сейчас получил твое письмо от 14-го, в котором ты советуешь мне не принимать близко к сердцу. Я сам не ожидал, что я так хладнокровно буду ко всему относиться, вот только сейчас первый раз за все время серьезно возмутился.

Вчера задержали караван из 36 верблюдов, по-видимому, с награбленными вещами из Вана. Я разобрал дело и сегодня решил их отправить в Игдырь, чтобы там полиция с армянским комитетом совместно разобрали бы и отдали бы вещи по принадлежности.

Чтобы с дороги караван не свернул куда-нибудь и вещи бы не пропали, в Карс послал двух казаков, а дальше конвой должен был дать комендант этапа. Вдруг казаки возвращаются с известием, что английский офицер с погонами хорунжия и с бандой армян в 25 человек насильно повернул караван в Ван, а мне прислал с казаками записку по-английски, что, мол, мы захватили верблюдов по приказанию полковника Термена – (...ванский округ – Алфред Иосифович Термен – восточник, брат Ричарда Иосифовича) и повернули их на Ван. Из всего я понял, что эта банда американских армян, которых с таким восторгом набрал этот кретин [16] Термен. Я ужасно возмутился и протелеграфировал в Кизил-Дилу Страдовскому, что прошу арестовать самозваного офицера и передать его в распоряжение Термена, а Мдивани (начальник штаба корпуса) протелеграфировал все как было с просьбой о предании суду виновных, позволивших себе с силой вернуть караван, шедший с воинской охраной.

Милый мой Кысочек, как хорошо ты снарядила посылку мне с какой любовью, спасибо тебе большое. Когда было расстройство, я все время носил набрюшник и почти все время ношу шерстяные носки, так что, пожалуй, мне эту зиму не хватит. Когда приедешь, то привези мне пары две. Сейчас принимаю колдуранго и избегаю есть черный хлеб. Вот, подиж ты хлеба я совсем не ем – две галеты и ..., масла тоже, потому, что нет. Больше недели было расстройство, а похудеть не похудел, и живот по-прежнему большой. Все равно, значит, есть такие и проч[ие] вещи или нет.

Сообщи свои впечатления о Наташе. Да, моя детка, 8 лет, как мы сели в карету и только можем сожалеть, что не удалось нам просидеть все 8 лет без перерывов вроде настоящего.

Сегодня у Трофима голова не болит, и жару днем не было, так что я думаю, что это не тиф. Старшего писаря тоже лихорадило, но он сам знает, когда принимать хину. Очень толковый человек, все очень обстоятельно делает, как будто бы не хохол, а немец. Милая, милая Ксенюшка! Я тебя очень, очень люблю. Как я рад той почте, с которой приходит письмо от тебя. Будь здорова, моя дорогая.

Сейчас получил ответ на мое представление, позволить приезд жены почмейстера. Корпусный командир отказал. Таким образом, нам с тобой надо будет с особой осторожностью проделать это дело.

Будь здорова, моя Кысочка! Крепко целую твои ручки. Твой верный К.

Иногда я начинаю письмо вечером, а посылаю днем, почему бывает два числа сверху и снизу. Je t'aime. 20.X.1915.

Дело 62:

Казвин, 22.XI. 1915 г. [17]

Дорогая Ксенюшка!

Как все на свете переменчиво. Никогда не был знаком ни с одним англичанином и ограничивался самыми официальными отношениями, а теперь англичанки каждую минуту Кептен Смирнов, да Кептен Смирнов, английские дети на улице, издали увидев меня, кивают головой, а мистеры с приятной улыбкой жмут руки. Один только Солон (английский консул, эвакуированный в Хамадан) все такой же сдержанный и мрачный, каким был в Тегеране.

Что англичане, третьего дня у меня в комнате сидел Гришка Ефремовский сподвижник и не только я, но и Баратов жали ему руку.

Впрочем у меня-то публики много всякой бывает и приходится пожимать много честных быть может, но грязных рук, так что сулемовое мыло в полном ходу и от частого мытья скоро потрескаются руки.

Образ жизни ведется у нас самый безобразный, вроде как при Поклевском, которого своей обходительностью напоминает и Баратов. Спать никогда не ложимся ранее полуночи, обедаем и пьем чай в самое разнообразное время. Вчера был спектакль и вечер, во время которого пришла телеграмма от В[еликого] Кн[язя] о том, что Баратов получил Георгия. Поэтому вечер был особенно оживленный. Ярош (инженер, начальник шоссеиной дороги Энзели-Тегеран) была фокусно одета, прическа и сильно намазана. Интересная женщина, но пошиба, конечно, не важного. У них недавно родилась дочь. Дамы на этот раз были в платьях, и некоторые в открытых, мужчины – во фраках. Мне очень нравится Кирсанов

(военный агент в Мосуле), он совсем шикарный дипломат и слегка напоминает мне Саблина. Он не предполагает возвращаться на военную службу и хочет совсем переходить в М[инистерст]-во иностр[анных] дел. Madame Кирсанова тоже мне очень нравится, я люблю такого типа дам, но не думаю, чтобы она была удобной женой, хотя ездит всюду с мужем. Она левантинка, кажется, одета была очень просто в темно-зеленое шелковое платье с слегка открытой шеей и весьма простого фасона, но видно, что эта дама хорошего общества. Курит, ездит верхом и вообще любит проявлять мужество, что собственно говоря, я не люблю в дамах, но это теперь в моде в подражание англичанам.

Еще видная дама была жена к[оманди]ра пограничного полка Баронесса Медем, говорит на иностранных языках и танцует ту-стэп. Познакомился с Madame Шатиловой (офицер пограничной стражи), женой того, который очень хотел попасть в Камарли к Шамшадинову. Дама некрасивая, у нее уже сын кадет по болезни околачивается здесь. Больше разговаривал с англичанками, [не] здешняя рожа, а хамаданская, не молода, но на вечер подправилась так, что хоть-куда, на ней было хорошее, но старомодное (такое, как у тебя было года 4 назад черное платье) розовое платье, ноги стройные и она ее усиленно покалывала, так как с известной тебе в иностранках бережливостью к платью, длинный хвостик все время держали в руках. Здешняя англичанка вспоминала, какая ты была интересная в английской миссии *Le Dame en noir*. И когда-то мы опять будем вместе, моя дорогая!

Я ушел с вечера в 2 часа после того, как кончилась лезгинка, кабардинка и т.п. Прислали всех лучших танцоров горско-моздокского полка, которые танцевали под большую гармонию, неистово гикали и хлопали в ладоши. Но действительно, я ничего подобного до сих пор не видал: ходят на носках прямо-таки как балерины, а один танцевал с шестью кинжалами (2 в зубах, 2 за шиворотом и 2 в руках) и в заключение колесом перевернулся с кинжалами в зубах и за воротником.

Хорунжий Аверьянов проделал свой номер с пятью кинжалами. Компания, оказывается, осталась ужинать, я же не знал, что будут чествовать Баратова и ушел в 2 часа. Оно, конечно, и спокойнее, но все же нелюбезно со стороны тех, кто это затеял. Должно быть Каргаретели [18] (офицер Генерального штаба) распоряжался этим; человек не дурной, умный (кончил университет), но большой хам, хотя и служил в гвардейском Литовском полку. Он меня снобировал и видимо зазря, а я не обращаю никакого внимания. Ночью вернулись с криками ура, оказалось, что это был уже 7-й час утра. Недавно одного из адъютантов из соседнего флигеля принесли мертвецки пьяным и когда его несли, то его рвало. Одним словом, лихая кавалерия.

[Казвин], 25/XI [1915 г.]

Сегодня Баратов с Каргаретели и Черкасовым (Барон Черкасов – бывший консул в Керманшахе, эвакуировавшийся в Казвин) уехали поближе к позициям, т.к. на хамаданском направлении начался бой. Уже есть известие, что после 5 выстрелов из пушек персы бежали, очистив ущелье. Я занял телеграф с утра. Протесты не встретил и даже успел подружиться с начальником телеграфа шахзаде. Завтра хочу, если только найду, презентовать ему бутылку коньяку, т.к. он любит выпить. Молодые чиновники тоже были очень довольны, что не было шифрованных телеграмм. Завтра пойду проделывать демонстрацию на телефоне и на почте.

Послал поклон по телеграфу Коршунову и Сертипу Гензлеру (русские телеграфисты в Персии). Начальник конторы со своей стороны в министерстве донес, что пришел капитан Смирнов и установил военную цензуру.

Действительно человеческая глупость беспредельна. Шах спросил у Эттера (российский посланник), не я ли нахожусь при штабе Корпуса, и сказал, что желал бы меня повидать. Черкасов привез это известие, и все в этом усмотрели что-то важное. [В] ближайшем будущем поеду с Эрном или с Баратовым в Тегеран. Оба они хорошо относятся ко мне, милые люди, в особенности с Эрном мы хороши.

Фото 4. Генерал Баратов со штабом и гостями, Казвин, 1916 г. Губернатор Казвина Метхад од-Доуле, российский консул в Казвине Антипов и другие.

В нижнем ряду стоят: 1. Генерал Баратов (в светлой казачьей черкеске и папахе); 2. Золотарев (рядом с Баратовым в темной черкеске); 3. Губернатор Метхад од-Доуле (рядом с Баратовым в темных очках); 4. Сын губернатора (рядом с отцом); 5. Российский консул в Казвине Антипов (слева от Золотарева); 6. Гаев в форме консульского чиновника.

В верхнем ряду стоят:

7. Начальник штаба Экспедиционного корпуса полковник Эрн (в центре, между двумя офицерами); 8. Камуков (справа); 9. Петров, управляющий Учетно-ссудным банком в Казвине (в пальто); 10. К.Н. Смирнов в белой папахе рядом с Петровым.

Фото 5. На конном празднике. Казвин, 1916 г.

Справа, в светлой черкеске стоит генерал Баратов. Слева, в черном пальто сидит военный министр Ирана Сепадхар. Во втором ряду, ближе к нам стоит капитан Смирнов, а рядом с ним – чиновник российского консульства в Казвине Гаев (в темной фуражке). Чуть правее от них стоят члены российской дипломатической миссии в Тегеране Евреинов и Бах

Предложил Ярошу (начальник дороги), Гудару (заместитель управляющего банком), Антипову (консул), губернатору и англичанину самим дать списки, кого надо пригласить. Ярош был поставлен в весьма затруднительное положение, т.к. у них кажется много неподходящих супружить. Ничего пускай расхлебывают. К сожалению, пока я ездил по визитам, без меня сочинили приглашение и дали его литографировать. Такая ахинея! Французский текст пошел выработать к Антипову, но, в сущности, я лучше их по этой части оказался, только заставил француженку написать под диктовку. Чай пил я сегодня 10 раз и последний раз у англичан с кеком по случаю рождения маленькой Карлин, причем высказал надежду, что я буду когда-нибудь есть и ее wedding-cake [19]. На возвратном пути перехватили меня с арестованным, которого прислал Мамонов (офицер Персидской казачьей бригады) из Зенджана, затем отдал распоряжение переводчику по политической части, приостановил объявление о смертной казни, т.к., по-моему, его лучше не выпускать, и я спросил указаний по телеграфу. Я когда переводил, подумал, что не следовало писать об отравлении воды, и действительно персюки уже встревожились, [а] то это может навести на мысль злоумышленников, которые сами до этого бы не додумались. В заключение, как всегда, напечатали на машинке все собранные за день сведения, и теперь пишу тебе письмо. Вот видишь, как я тут провожу время. Целый день верчусь, как белка в колесе. Очень жаль, что ты далеко от меня, а сама по себе такая работа, когда чувствуешь, что ты нужен, очень приятно, несмотря на трудность. Какая собственно разница между настоящим моим положением и тем, когда я был на персидской службе. Тут чувствуешь свое значение, правда, создавшееся прежней службой в Тегеране. Но не знаю, чем объяснить чуткость персов – представь себе, еще никто не предлагал взятки, как это всегда делается в Тегеране. Знают ли, что я не возьму или вообще русские здесь не брали, не понимаю.

Будь здорова, моя дорогая. Крепко тебя обнимаю и целую. И когда-то мы заживем опять вместе!

Много раз целую твои руки. Твой верный К.

Казвин, XII.1915 г.

Сегодня я занимался делами светскими, политическими, разведывательными и полицейскими. Не правда ли разнообразная деятельность. Я побывал у восьми персов с целью сделать им эхвальпурею [20] от имени Баратова. Всюду меня ждали с целым дастарханом [21]. Здесь принято у персов подавать несколько сортов варений к чаю. Презабавные на вкус варенья. Был у четырех муджтехидов, двух принцев и у двух богачей.

Завтра продолжаю. Всем говорил приличную речь и передавал карточку Баратова. В числе этих персов есть и заведомые наши враги. Одновременно с этими комплиментами отдал в печать объявление Баратова о смертной казни за различные дела, и еще не опубликовали это объявление, как уже его обсуждали со мной. Затем был у английского консула из Хамадана, которого Баратов не пригласил ехать в Хамадан и послал потом меня выкручиваться – сказать, что с поднятием русского флага поторопились перед 6 декабря и что когда будут подымать английский флаг, то Б[аратов] опять поедет в Хамадан. Занимался также приглашениями на 6 декабря. Т.е. просто-таки я увидел, что все упустили из виду это обстоятельство и поправил дело.

Петровы (управляющий отделением Учетно-Ссудного банка в Казвине) уезжают завтра на месяц. Он весьма недурной и даже забавный человек, но весьма смешно, когда он с женой едут с помпой. Спереди конный гулям, и сзади 4 персидских казака. Вот уж действительно оба для этого посошные вышли.

Примечания к письмам:

1. В левом, верхнем углу рукой К.Н.Смирнова приписано: "Записную книжку получил. Отчего ты решила поехать во Владикавказ, там тоже много мусульман, лучше было бы в Ростов на Дону, Харьков или Москву".

2 К.Н.Смирнов имеет в виду захват турецкими войсками Аджарии в середине ноября 1914 года и последовавшее за ним восстание аджарцев-мусульман с целью поддержки турок. Кстати, о тревожной ситуации, сложившейся на Кавказском фронте после начала турецкого контр-наступления на Кавказ в декабре 1914 г. подробно рассказал на страницах своей книги англичанин М.Ф.Прайс. См.: М.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.58, 84.

3. Е.Н. – Елизавета Николаевна, мать супруги К.Н.Смирнова – примечание Н.К.Тер-Оганова.

4. Имеется в виду предводитель зиланских курдов Аль-Эшраф-бек Шамшадинов, состоявший на русской военной службе. Как известно, с ноября 1914 г. по февраль 1915 г. Смирнов был прикомандирован к Шамшадинову.

5. Речь идет о генерале Г.Э.Берхмане, командире 1-го Кавказского корпуса, а также Сарыкамьшского отряда, участвовавшего в Сарыкамьшском сражении (9 декабря – 4 января 1915 г. по старому стилю) – примечание Н.К.Тер-Оганова.

6. Автор письма имел в виду генерала Н.Н.Баратова, вступившего в Первую мировую войну в должности начальника 1-ой Кавказской казачьей дивизии – примечание К.Н.Тер-Оганова.

7. Имеется в виду Разведывательное отделение Штаба Кавказского военного округа – примечание Н.К.Тер-Оганова.

8. М.А.Ардатов, бывший сослуживец К.Н.Смирнова по Разведывательному отделению Штаба Кавказского военного округа – примечание Н.К.Тер-Оганова.

9. Автор письма имеет в виду "Всероссийский союз городов" (был образован в августе 1914 г.), который вместе с "Всероссийским земским союзом" проделал большую работу по организации тыла русской армии. См.: М.Philips Price. War&Revolution in Asiatic Russia, p.167.

10. Потом я узнал, что это большой авантюрист, имевший за собой чуть ни уголовное прошлое, но обладавший библейской наружностью. Кого только не встретишь на войне. Например, солдат, прислуживавший нам там же, кутаисец пошел как ополченец, у него два брата офицера и дядя полный генерал, а сам он едва говорит по-русски - примечание К.Н.Смирнова.

11. Жареная печенка – франц. – примечание Н.К.Тер-Оганова.

12. В верхнем, левом углу рукой К.Н.Смирнова приписано: "Ванна тут будет стоить 7 руб., прачка берет божеские цены, цыплята по 50 коп., так что за всем этим присылать буду в Игдырь".

13. Дро – Драстамат Канаян, член партии Дашнакцутюн, один из руководителей армянского освободительного движения – примечание Н.К.Тер-Оганова.

14. Речь идет о распространенной в период Первой мировой войны практике назначения русских военных лиц на должностях начальников округов, организованных на оккупированных территориях противника – примечание Н.К.Тер-Оганова.

15. Согласно Википедии, кондуранго это вид растения (лат. *Gonolobus condurango*). С начала века кондуранго применялось как специфическое средство против рака желудка. Однако клинические исследования не подтвердили специфичность кондуранго, как противоракового средства, но показали его высокую эффективность при тяжёлых формах катара желудка – смотри: <http://ru.wikipedia.org>.

16. Ну кретин, не кретин, но человек был очень странный и не очень симпатичный, как Ричард Иосифович. В конце войны он умер – примечание К.Н.Смирнова.

17. С ноября 1915 г. по март 1916 г. Смирнов служил в Казвине. См.: АНЦРГ, ф.39, д.77, л.7.

18. Следует заметить, что в других письмах К.Н.Смирнова встречаем иную форму правописания этой фамилии – Каргалетели, более распространенной в русской военной литературе и иностранных источниках исследуемого периода. Происхождение этой фамилии связано с грузинским топонимом, деревней Каргарети – примечание Н.К.Тер-Оганова.

19. Свадебный пирог (англ.) – примечание Н.К.Тер-Оганова.

20. Автор имеет в виду известное персидское выражение *ахвалпорси*, означающее нанесение визита или осведомление о состоянии здоровья кого-либо – примечание Н.К.Тер-Оганова.

21. Здесь: Дастархāн (перс.) – угощение – примечание Н.К.Тер-Оганова.

(Продолжение следует).